
БЭЛЛА ФОРТИС
ПО ТУ СТОРОНУ ЗЕРКАЛА:
ЖИЗНЬ НАРЦИССА
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Бэлла Фортис

По ту сторону зеркала: жизнь нарцисса

https://litres.ru/75036269
SelfPub; 2026

Аннотация

Ты когда-нибудь слышал, как звучит голос в голове человека, который не способен любить — но убеждён, что любит сильнее всех? Эта книга написана не снаружи. В ней нет безопасной позиции наблюдателя. Ее голос — голос того, кто никогда не ошибается, никогда не сомневается и никогда не отпускает.

Он считает себя подарком. Он называет контроль — заботой, ревность — верностью, а насилие — воспитанием. Он выбирает женщину, как проект, и перекраивает её под свои правила. А если она ломается — значит, сломалась неправильно. Если уходит — значит, предала. Если говорит «нет» — значит, играет. Но однажды находится та, кто не сломалась.

Эта книга — не любовный роман. Не криминальная драма. Это портрет системы, для которой другой человек — всего лишь ресурс. Рассказанный изнутри — так, как это видит и чувствует сама система.

Единственное предупреждение: вы не сможете остаться равнодушными.

Если вы готовы — откройте первую главу.
Если не готовы — не открывайте её никогда.

Содержание

Дисклеймер: предупреждения и советы по чтению.	7
От Автора	10
Рекомендация по чтению.	12
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	53
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Бэлла Фортис
По ту сторону зеркала: жизнь нарцисса

Бэлла Фортис
По ту сторону зеркала: жизнь нарцисса
«У меня все женщины были красивыми».

Он говорит это с улыбкой. Не врёт. Он действительно так думает. Для него женщины — как дорогие машины: блестящие, удобные, статусные. А потом — сломанные, брошенные, забытые.

Ты когда-нибудь слышал, как звучит голос в голове человека, который не способен любить — но убеждён, что любит сильнее всех? Эта книга написана не снаружи. В ней нет безопасной позиции наблюдателя. Ее голос — голос того, кто никогда не ошибается, никогда не сомневается и никогда не отпускает.

Он считает себя подарком. Он называет контроль — заботой, ревность — верностью, а насилие — воспитанием. Он выбирает женщину, как проект, и перекраивает её под свои правила. А если она ломается — значит, сломалась неправильно. Если уходит — значит, предала. Если говорит «нет»

— значит, играет. Но однажды находится та, кто не сломалась.Та, которая посмотрела ему в глаза и сказала: «Ты пустой». Та, которая выжила, записала каждую секунду в протокол и теперь носит синяки под пластырем — уже зажившие, но не забытые.

Кирилл не считает себя чудовищем. Он считает себя единственным настоящим в мире фальшивок. И эту уверенность ничем не прошибить — ни слезами, ни полицией, ни годами тюрьмы. Эта книга — не любовный роман. Не криминальная драма. Это портрет системы, для которой другой человек — всего лишь ресурс. Рассказанный изнутри — так, как это видит и чувствует сама система.

Единственное предупреждение: вы не сможете остаться равнодушными.

Кого-то вырвет, кого-то затянет, кто-то узнает слишком много.

Если вы готовы — откройте первую главу.

Если не готовы — не открывайте её никогда.

Дисклеймер: предупреждения и советы по чтению.

Кому книга может навредить.

Эта книга содержит развернутые сцены психологического и физического насилия, включая описание нападения, изнасилования, нанесения телесных повреждений и убийства. Повествование ведётся от лица человека с нарциссическим расстройством личности и психопатическими чертами, который не испытывает раскаяния и не осознает своих действий как жестоких.

Не читайте эту книгу, если вы:

- переживаете острый период после выхода из абьюзивных отношений;
- находитесь в состоянии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), особенно связанного с домашним насилием;
- склонны к диссоциации и уязвимы к газлайтингу;
- не уверены в собственной картине реальности после токсичных отношений.

Книга может спровоцировать ретравматизацию, усилить тревогу, вызвать навязчивые мысли или ухудшить сон.

Автор не несёт ответственности за последствия чтения —

вы принимаете это решение добровольно.

Техники безопасного чтения (для тех, кто решился).

1. Читайте дозированно. Одна-две главы за раз, чтобы иметь возможность отстраниться и переварить.

2. Читайте в светлое время суток. Не оставляйте книгу на ночь: внутренний голос героя может просочиться в сны.

3. Сохраняйте внешний якорь. После каждой главы возвращайтесь к себе: «Я не героиня, я читатель». Можно проговорить это вслух или записать в заметках.

4. Не читайте в период уязвимости. Если вы сейчас в ссоре с партнёром, в процессе развода, в депрессии — отложите книгу на несколько месяцев.

5. Используйте анализ глав как защитный буфер. Если чувствуете, что нарратив засасывает, переключитесь на разбор: увидите приёмы манипуляции и обесценивания в чистом виде — это снижает гипнотический эффект текста.

Если вы узнали себя в героинях. Эта книга — не инструкция для жертвы, а портрет насильника.

Если вы узнали в описанных отношениях свои, вот что стоит сделать прямо сейчас:

- позвонить на горячую линию по домашнему насилию (единый номер 8-800-7000-600 в РФ, 8-801-100-8-801 в Беларуси, 0-800-500-335 для Украины или аналогичные в вашей стране);

- написать доверенному лицу (другу, родственнику, психологу);

- не писать комментарии к книге с просьбой «помочь понять» или «оправдать» героя — это часть той же ловушки сочувствия насильнику.

Последнее предупреждение.

Книга не поднимает настроение, не даёт катарсиса и не предлагает простого выхода. Её задача — показать, как работает психика, для которой другой человек — всего лишь ресурс. Если вы ищете лёгкого чтения или вдохновения — закройте этот файл. Берегите себя. Чтение не стоит вашего спокойствия.

От Автора

Эта книга — не приглашение к сочувствию.

Она не написана для того, чтобы вы пожалели героя, заглянули в его рану и сказали: «Он просто был сломлен».

Нет.

Эта книга — попытка показать, как устроен человек, который не чувствует. Как он мыслит, как выбирает, как говорит, как смотрит. Как он маскируется под того, кто способен любить, оставаясь при этом холодным внутри.

Я не пишу это, чтобы оправдать его.
Я пишу это, чтобы вы узнали его раньше, чем он подойдет слишком близко.

Чтобы вы увидели не красивое лицо, а механизм.
Не «сложного мужчину», а ловушку.
Не «загадку, которую хочется разгадать», а опасность, от которой нужно держаться подальше.

Эмпатия — это дар. Но если направить её не на того, она становится клеткой.

Поэтому пусть эта книга будет не мостиком, а стеной.

Пусть она не сближает с такими людьми, а помогает вовремя сделать шаг назад.

Вы не должны спасать.
Вы не должны понимать.
Вы не должны оставаться.

Вы должны защитить себя.

С уважением к тем, кто выжил,
Бэлла Фортис

Рекомендация по чтению.

Книгу можно читать двумя способами, и каждый даст свой эффект.

- Первый вариант: прочитать всю книгу целиком, а затем обратиться к анализу. Этот путь позволяет сформировать собственное эмоциональное впечатление, пережить историю без подсказок, а потом, уже выйдя из нарратива, увидеть механизмы расстройства «на трезвую голову». Если вы готовы выдерживать психологическое давление текста, начните с книги.

- Второй вариант: сначала познакомиться с фрагмент-анализом (разбором отдельных глав), а потом читать книгу. Этот подход снижает риск вторичной травматизации и помогает читать текст осознанно: вы будете видеть манипуляцию, газлайтинг, угрозы сразу, не попадаясь на крючок внутреннего голоса героя. Особенно полезно для тех, кто сам переживал абьюзивные отношения — чтобы не «слететь» в знакомый сценарий.

Мой совет как автора: выберите тот путь, который безопаснее для вас.

Глава 1

Молчание — это наказание. И я знаю, как его применять.

Снова онлайн. И снова молчит. Я сжал смартфон так, что пластик едва не хрустнул под пальцами — потом резко отбросил его на диван. Телефон отскочил от подушки, перевернулся, лег экраном вниз. Пусть лежит. Бесполезный кусок стекла и металла. Как её попытки меня задеть.

Две недели назад она вылетела из этой квартиры с криком. Помню, как дверь ударила по косяку — звук был такой, будто кость ломается. И её последнее: «Ты пустой». Это слово повисло в воздухе коридора и до сих пор там. Я иногда прохожу мимо и будто слышу. Пустой? Да я ей почти душу раскрыл. Показал весь свой сложный, многогранный мир — а она не смогла его оценить. Не смогла разглядеть масштаб. Такие, как она, вообще не способны видеть по-настоящему. Им подавай что-то простое, плоское, удобное. А глубина их пугает. Глубина — это когда ты стоишь на краю и смотришь вниз, и дна не видно. Они отшатываются. А я — нет.

Музыка. Мне нужна музыка — не чтобы заглушить боль. Боли нет. Чтобы настроить внутренний ритм. Я включил колонку, негромко, на низких частотах. Бас лёг на стены, как теплое одеяло. Сел на диван. Кожа прохладная под ладонями. Взгляд снова скользнул к телефону. Не удержался — перевернул. Экран загорелся. Её профиль. Новая аватарка.

Улыбается.

Конечно, улыбается.

Пытается делать вид, что всё под контролем. Но я-то знаю: эта улыбка — маска. И скоро она начнет трескаться. Точно знаю. Как штукатурка на старой стене — сначала незаметные паутинки, потом щели, потом куски падают на пол.

Новый статус: «Жизнь продолжается, улыбаемся и машем». О, как мило. Как по-детски. Будто эти слова могут стереть то, что между нами было. Будто можно просто «помахать» и забыть человека, который столько для тебя сделал.

Я вывернул перед ней душу наизнанку. Дал шанс всё исправить — написал первым: «Как дела?» Два слова. Два коротких слова, которые стоили мне больше, чем она могла представить. Прочитала. И — ничего. Ни слова. Игнорирует.

Думает, это ее оружие.

Наивная.

Она ещё не поняла, с кем играет.

Ладно. Пусть думает, что победила. Я буду молчать. Пару дней не зайду в соцсети. Пусть почувствует эту пустоту — ту самую, которую я оставляю за собой, как след на мокром песке. Пусть поймет, как много теряет. Это будет ее урок. А я умею учить.

Подошёл к зеркалу в прихожей. Столкнулся с отражением лицом к лицу — как всегда. Пора привести себя в порядок. В стекле — хорошо сложенный мужчина. Уверенный. Достойный. Челюсть прямая, взгляд ровный. Только щетина

чуть отросла, и под глазами — тени. Слегка. Еле заметно. Побриться. Подстричься. Я достал телефон, открыл запись к барберу. «Завтра жду» — ответ пришел через минуту. Отлично. Артур всегда понимает, что мне нужно. Без лишних слов.

Пусть она думает, что я тут сижу и страдаю. Пусть воображает, будто сломала меня. Я никогда не страдаю. Я вычёркиваю людей из своей жизни легко — но не навсегда. Просто ставлю на паузу. Запускаю плей-лист и иду дальше. А когда она захочет вернуться — а она захочет, это неизбежно, как гравитация, — я решу, достойна ли она возвращения.

Смартфон пискнул. Знакомый сигнал — короткий, дробный, как сердцебиение мыши. Новая история.

Я открыл.

Концерт. Тот самый, на который мы хотели пойти вдвоем. Сцена залита светом, толпа — море рук. Она сняла это откуда-то из середины зала. Значит, пошла без меня. Или… не одна.

Неважно.

Я не злюсь. Злость — это слабость. Это потеря контроля. А я спокоен. И в этом спокойствии — самая настоящая ярость. Холодная. Расчётливая. Как хирургический нож, который лежит на стерильном столе и ждёт.

Ещё раз посмотрел на отражение. Медленно провёл ладонью по скуле — снизу вверх, как будто стирал с лица что-то невидимое. Все намеки на эмоции. Все. Лицо стало гладким.

Чистым. Пустым.

— Она об этом пожалеет, — произнёс вслух. Чётко. Голос отразился от кафеля и вернулся ко мне. — Она не знает, с кем связалась.

Пора ложиться спать. Ритуалы выполнены. Зубы почищены — щётка двигалась дольше обычного, десна чуть покраснели. Бритва прошла по щекам, по подбородку, по шее — стекло звякнуло, когда я сполоснул её. Всё под контролем. Включил новости на телефоне — фоновый шум, голос диктора слился в монотонный гул, как вода в трубах. Кажется, сейчас усну.

Но сон не идёт.

Первая сигарета. Балкон, тьма. Город за окном — россыпь огней, которые гаснут один за другим. Вот погасло окно на третьем этаже. Потом на пятом. Потом в соседнем доме. Как будто кто-то невидимый проходит по комнатам и выключает свет. Остаются фонари. Желтые, мертвые, с кругами тумана вокруг.

Вторая сигарета. Пепел падал с балкона вниз, в темноту.

Третья.

Четвёртая.

Пятая. Фильтр пожелтел между пальцами.

Почему не спится? Не из-за неё. Нет. Просто мой мозг работает на повышенных оборотах. Просчитывает варианты. Видит то, чего другие не замечают. Что она делает после концерта? С кем? Куда поехала? Села на переднее сиденье или

на заднее?

Неважно.

Скоро эти неудачные попытки найти кого-то «лучше» обернутся против нее самой. Она поймёт, что никто не сможет дать ей того, что давал я. Никто не увидит её так глубоко. Никто не будет так терпелив. Так великодушен.

Наконец, начинает клонить в сон. Веки наливаются свинцом, дыхание замедляется. Завтра на работу. Планерка в пятницу утром — кто вообще это придумал? Наш директор, вечный любитель создавать видимость деятельности. Но пусть. Работа — это ресурс. Деньги, независимость. Возможность строить будущее. Будущее, в котором я буду выбирать, кто достоин быть рядом со мной.

Глаза закрылись.

И тут — краем зрения, уже на границе сна — замечаю что-то на полке. Какой-то предмет, которого раньше не было. Маленький. Светлый.

Включил свет. Лампа ударила по глазам — я зажмурился, потом открыл.

Чёрт.

Её расчёска. Оставила.

Я взял её. Пластик был тёплым — или мне показалось. Зубчики расчёски прижались к подушечкам пальцев — мелкие, частые. Несколько волосков — светлых, длинных — обвились вокруг них, как нити.

Значит, точно вернётся.

Я улыбнулся. В этой улыбке не было тепла — только холодная уверенность, как лезвие, которое медленно выходит из ножен.

Аккуратно убрал расчёску в ящик. Закрыл. Щелчок замка прозвучал тихо и окончательно, как приговор.

На долгую память. Как доказательство ее слабости. Как напоминание: она не может просто уйти. Не может вычеркнуть меня так легко, как пытается сделать вид.

Теперь можно спать.

Завтра будет новый день. И новые ходы в этой игре.

А она даже не представляет, насколько далеко я готов зайти.

Новый день. Мой день.

Будильник прозвенел в шесть тридцать. Я открыл глаза раньше — в шесть двадцать семь. Лежал и смотрел в потолок две минуты тридцать секунд. Чистое время. Чистое утро. Я знаю, что сегодня делать. Всё расписано по минутам.

Вот захожу в офис — 8:55. Ключ-карта, дверь, гудок. Сейчас кофе, затем планерка с нудным директором, который наверняка придумал гениальную идею по увеличению прибыли в нашей компании. А почему нашей? Его компании. Я к этому балагану не имею никакого отношения.

Лифт. Двери закрылись. Остался один. Поехал на последний этаж. В зеркальной стене кабины — моё отражение. Я наклонился ближе. Щетина. На шее — остались островки, которые бритва не взяла. Чёрт! Опять упустил этот участок.

Провел пальцами по коже — кололось. Провёл снова, сильнее — до покраснения.

А что с лицом? Бессонная ночь. Тени под глазами глубже, чем вчера. Кожа сероватая, тусклая. Надо попить витамины. Коллаген, что ли — говорят, улучшает эластичность кожи. А ещё вечером встану на весы. Кажется, я теряю форму. Надо снова возвращаться к тренировкам. Из-за неё всё забросил — старался больше времени проводить. Всё. Никаких больше жертв ради таких, как она. Время только для себя, и буду делать то, что мне нравится.

Двери лифта разъехались с мягким шипением. Я вышел.

— Привет, — послышался знакомый голос секретарши. Она сидела за стойкой, ноги скрещены, волосы собраны.

— Привет, — я улыбнулся и скользнул взглядом по её фигуре. От плеча к талии. От талии ниже.

Хорошенькая штучка. Жаль, что я не успел. Наш директор — примерный семьянин — уже вытирает пыль со стола её чудесной юбкой. Кстати, сегодня юбка ниже колена. Идёт ей. Выглядит аппетитно. Но работа — не место для утех. И вообще — две недели. Две недели без секса. Пора исправлять.

Кофе. Горячий, обжигающий первый глоток — я чуть не обжег нёбо, но сглотнул. Отчёт на столе — цифры выстроились ровно, как солдаты. Почти идеальное утро. Моя статистика меня радует. Руководитель — ещё тот засранец, но он видит мой потенциал. Каждый раз: «Молодец, так держать».

Ставит меня в пример всему отделу. И это мне очень льстит — будто пальцы гладят по голове, как нашептывают.

А вообще, мне кажется, он меня побаивается. На одной из недель была просадка по продажам — я увидел, цифры не соврали. Но он ничего не сказал. Похвалил. Снова поставил в пример. Как там его фраза? «Несмотря на все препятствия, которые выстраивает рынок, Кирилл смог выполнить недельный план».

Смешно. Да, я, наверно, произвожу впечатление мужика, с которым лучше не связываться. И это — правильно.

Перерыв. Я стоял у окна с кружкой, когда подошел Серега.

Мой коллега. Я таких называю неудачниками. Женат, двое детей. Приходит раньше, уходит позже — а до моих результатов всё равно далеко. Не дорос, так сказать.

— Слушай, у моей жены день рождения в субботу. Заедешь?

Я смотрел на него, пока он говорил. Серёга. Предсказуемый. Сегодня снова без обеда — шаурма в руке, четвёртый раз за неделю. Завернутая в фольгу, с жирным пятном на бумаге. Значит, дома снова война. Кормят чем попало или не кормят вовсе. Жена объявила бойкот, а он лебезит. Он вообще весь как-то сгорбился за последние месяцы — плечи опущены, голова втянута, как будто ждёт удара сверху.

— Заеду, — ответил я.

Он заулыбался. Широко, благодарно — как побитая собака, которую наконец погладили. У него даже морщинки во-

круг глаз разгладились на секунду.

Я согласился не ради него. Просто иногда полезно выходить из дома. И я, как временно свободный мужчина, могу себе позволить расслабиться. И нет, я не собираюсь напиться, как свинья. Меня привлекает другое на таких мероприятиях. А вот с алкоголем я не дружу. Давно. Очень давно…

Последняя фраза повисла в воздухе. Я допил кофе. Кружка остыла.

Рабочий день закончился. Экран монитора погас с последним щелчком мыши — и вместе с ним что-то во мне щелкнуло тоже. Завтра — Сергей. Праздник жизни его жены. Я фыркнул вслух, и звук в пустом кабинете прозвучал жалко. Сергей добровольно, с улыбкой на лице подписал согласие на существование под каблуком. Всегда меня раздражали такие ничтожества. Но завтра посмотрю воочию — и снова скажу себе, что я прав. А я прав всегда. Отдай бразды правления в семье женщине — и этот корабль пойдет ко дну. Не мгновенно, нет. Медленно, с вежливыми улыбками на палубе, пока вода поднимается к иллюминаторам.

Пальцы привычно нашли телефон в кармане. Разблокировка. Её профиль. Аватарка прежняя. Статус не поменяла. Тишина — ни одной новой истории. Экран отражал моё лицо поверх её фотографии, и на секунду наши черты смешались в стекле.

Неужели можно просто взять и вычеркнуть. Вот так. Кастой. Как строку из текста.

Я ещё раз прокрутил ленту — вниз, вверх. Ничего. Заблокировала? Нет, профиль открыт. Просто молчит.

Однозначно, сейчас — вечер пятницы. Она сидит дома. Плачет над нашими фотографиями. Я почти видел это: краем глаза мокрые ресницы, пальцы сжимают телефон, грудь вздрагивает. Я открыл галерею. Наши снимки поплыли по экрану. Остановился на одном: я держу её за талию, по-хозяйски, плотно. Она улыбается. Глаза щурятся от солнца, волосы разлетаются на ветру. Да. Она была со мной счастлива. Такого, как я, ей не найти. Поймёт. Дура. Но будет поздно.

Фото осталось в галерее. Не удалил.

Парковка. Ключ в замке зажигания — двигатель очнулся ровным гулом. Стрелка топлива, климат-контроль, навигатор. Всё под контролем. Еду к Артуру. Мой барбер. Знает меня давно, стрижет как надо, без лишних разговоров. Жаль, что ехать далеко — почти через весь город. Но чужие руки к моим волосам я не подпущу.

Пробка втянула меня в себя на втором светофоре. Остановился. Стекло тонировки — стопроцентной, плотной, как занавес — отделяло меня от мира. Я вижу их. Они меня — нет. Это всегда давало приятное чувство. Как будто я в аквариуме, а все вокруг — на выставке.

В соседней машине — парочка. Он за рулём, она рядом. Едут и ругаются. Женский голос бился о стекло, проникал даже сквозь шумоизоляцию — высокий, рваный, с нервными интонациями. Истерика. Ох, семейная жизнь. Всё на са-

мом деле просто: мужчина решает в семье все вопросы — и не будет никаких истерик. Под контролем. Всегда под контролем.

Я сделал музыку громче. Бас провибрировал в подголовнике. Пробиваемся дальше.

О. Вот — интересный экземпляр. В машине слева. Накаченные губы. Гладкая кожа. Волосы ухоженные — блестят даже в тусклом свете пробки. Дамочка явно не жалеет на себя денег. Я прищурился. Помада — слоями, как штукатурка. Зачем столько? Машина хорошая. Новая. Я скользнул взглядом по салону — кожаные сиденья, приборная панель без единой пылинки. Кто-то содержит. Не мой вариант. Мне нужна любовь. Настоящая. Такая, чтобы до дрожи. Чтобы внутри всё переворачивалось.

И у меня такая была.

Рука потянулась к телефону. Снова. Как на автопилоте. Пальцы сами нашли иконку. Профиль открылся.

Что?

Аватарка. Другая. Я наклонился к экрану, вглядываясь. Подстриглась. Волосы короче. Значительно короче.

— Чёрт, — я сказал это вслух. В салоне звук получился глухим, как из-под воды.

Совсем скатилась без меня. Раньше я вытаскивал её за руку из салона красоты — буквально. Она хотела подстричь мои любимые длинные волосы. Обожал зарываться в них по утрам. Они пахли — чем? Не вспомнить. Чем-то теплым.

Чем-то, от чего глаза закрывались сами.

Я прикрыл глаза.

Гудок — резкий, протяжный — вспорол тишину.

Я вздрогнул. Руки сжали руль. Сердце ударило в рёбра.

— Себе там побибикай, урод, — процедил я сквозь зубы, глядя в зеркало заднего вида.

Он не услышал. Не мог. Но пусть знает, что я о нём думаю. Презираю таких. Пробка стояла мертво — раньше семи не рассосется.

Знакомые дома. Знакомый район. Коробки панелек, торговый центр с потухшей вывеской, детский сад с ржавыми качелями. А вон и тот дом. Третий подъезд, пятый этаж. Где я раньше арендовал квартиру.

Я сбросил скорость. Проезжал медленно, как будто пытаясь разглядеть что-то в окнах. Прекрасные времена. Казалось, всё легко и просто.

В груди кольнуло. Точно — словно иголка. На вдохе. Я дёрнул плечом, будто пытаясь стряхнуть.

Но эта дрянь всё испортила. Изменила мне.

Сука.

Руки побелели на руле. Челюсть сжалась так, что зубы скрипнули. Перед глазами — тот момент. Кадр, который не стереть. Её лицо. Нахальная улыбка. И слова, которые она сказала о себе — нет, не о себе. Обо мне.

«Ты полный ноль!»

Голос в голове прозвучал так чётко, будто она сидела на

пассажирском сиденье. Я стиснул кулак. Костяшки хрустнули. Хотелось ударить — не её. Стекло. Чтобы оно разлетелось на мелкие осколки. Чтобы брызнуло по рукам. Чтобы не видеть эту улыбку. Не слышать этот голос. Столько лет прошло, а она — вот. Перед глазами. Как тень, которую не обогнать.

Парковка. Знакомый салон. Неоновая вывеска отражалась в мокром асфальте.

Вдох.

Выдох.

Воздух из лёгких вышел неровно, с присвистом. Я разжал пальцы на руле. По одному. Мизинец, безымянный, средний. Красные следы от кожи остались на ладонях.

Час с Артуром.

Глава 2

Артур точно мастер своего дела — даже с утра укладка сидит идеально, будто не прошло и часа с момента, как он провел расческой по моим волосам. Я провёл ладонью по виску, проверяя линию — ровно, ни волоска не выбилось. И тут взгляд скользнул к весам в углу. Мрачная стрелка застыла на делении, которое я старался не замечать. Пять килограммов. Пять проклятых килограммов.

— Сука! — выдохнул я, и звук ударился о голые стены и вернулся ко мне, пустой и резкий. Это всё из-за неё. Каждый грамм, каждая тень под глазами — её заслуга.

Ну, ничего. Сейчас стакан протеина, и за дело. Где там мои гантели? Как давно я их не брал в руки… Будто они стыдятся лежать тут, покрытые пылью, как забытый позор. Я наклонился, резко смахнул пыль ладонью — она взвилась серым облаком, повисла в луче света из окна, потом медленно осела. Холодный металл приятно холодил пальцы, когда я поднял гантели. Пыль осталась на коже, серая, въедливая. Я стер ее о штаны — грубо, до скрипа ткани.

— Поехали, — сказал я вслух, будто они могли возразить.

Музыка ударила по комнате — громко, на пределе, так, что стёкла в старых рамах мелко задребезжали. Бас прокатился по полу, отдаваясь в подошвах. Только эта противная соседка снова не пришла. Я бросил взгляд на дверь напротив

— тишина, ни шороха, ни шагов. Достала, сука. Вечно стоит у глазка, будто ждет, когда я сорвусь. Да, чего я так завелся с утра? Это она во всём виновата. Ксения. Даже имя у неё — ванильное, липкое, будто дешёвые духи. Недостойное меня.

Эта новая аватарка со стрижкой… Ей не идёт. Совсем. Волосы обрезаны коротко, по-мальчишески, будто она хотела стереть себя прежнюю. Неужели ищет нового ухажёра? Или, может, уже нашла? А хотя… Всё гораздо проще. Я вдруг рассмеялся — звук вышел сухим, треснувшим, как старая ветка.

Я положил гантели после последнего подхода. Металл глухо стукнул по полу. Перевёл дыхание. Это всё мне назло сделано. Я не хотел, чтобы она отрезала волосы, а она взяла и сделала. Крошка, ты хотела меня задеть? Получилось.

В руках моих снова оказался смартфон. Ее голубые глаза, пухлые губы. А когда-то она меня ими целовала. Сейчас кого ты целуешь этими губками, а, Ксения?

Фу! Противно!

Я швырнул телефон — он ударился о подлокотник кресла, подпрыгнул и замер экраном вверх, будто выжидал. Надо это всё смыть с себя. Душ я включил на максимум, ледяная вода ударила по плечам, по груди, по лицу, выжимая из головы лишние мысли. Капли стекали по шее, собирались в струи, падали на кафель с тихим, бесконечным стуком. Я стоял под этим холодным дождём, пока кожа не стала серой, натянутой, чужой. Потом выключил воду. Тишина ударила

сильнее, чем шум.

Только я вышел из душа, обмотавшись полотенцем, как смартфон снова ожил. Вибрация пробежала по столу, как дрожь по спине. Нет, это не она. Это мой друг, Валентин. Друг детства.

— Привет, братан! — его голос ворвался в комнату, тёплый, усталый, будто он только что сбросил тяжелый рюкзак.

— Привет, брат, — отозвался я, и собственный голос прозвучал глухо, как из колодца.

— Как ты?

— Всё хорошо, только приехал.

— Как отдохнули? — я знал, что они с женой поехали на Кавказ. Мини-отпуск, будто у них всё чётко и по плану. Жена занята семейным бизнесом, он просто всё контролирует. Молодец. Так и хочется встать и сказать: «Браво». Только аплодисменты застревают где-то в горле.

— При встрече расскажу, сейчас устал. Хотел спросить у тебя: ты мне машину не дашь в понедельник?

— А что с твоей?

— Да жене надо будет ехать за товаром, а мне надо будет документы оформлять на новую квартиру.

— Квартиру? Всё-таки взяли ипотеку? — в груди кольнуло. Такое событие, а не поделился. Раньше мы ничего не держали в секрете.

— Да, хотел тоже при встрече сказать.

Хм. Раньше у нас не было таких секретов. Неужели Веро-

ника, его жена, стала так влиять на него? И вообще, когда мы в последний раз виделись? Месяц? Два? Нет, это всё из-за Ксении. Она всё время хотела проводить со мной, ревновала, думала, я ей изменяю. Даже выбраться не мог из дома, чтобы только она истерику не закатила.

— Так что там с машиной, Кирюх? — голос Валентина выдернул меня из мыслей, резкий, как рывок за рукав.

— Да, бери, — ответил я холодно, и сам почувствовал, как слово вышло острым, как лезвие.

— Спасибо, братан, как всегда меня выручаешь. Может, сегодня встретимся вечерком, покурим, посидим? Если, конечно, твоя любимая тебя отпустит.

Сегодня не могу. Пригласили на мероприятие.

— Ты с Ксенией пойдешь?

— Нет, — ответил я, и тут понял, что сжал телефон так, что пальцы побелели, а пластик тихо скрипнул.

— Хорошо, тогда завтра будем на связи, вечером заскочу к тебе, ключи заберу.

— Договорились.

Валентин положил трубку. А я всё ещё стоял, держа смартфон, будто он был горячим, будто сквозь него ко мне шла какая-то чужая, неприятная энергия. Потом медленно опустил руку. Телефон скользнул в ладонь, тяжелый, как гиря.

Стоит ли ему говорить, что мы расстались с Ксенией? Нет. Мы не расстались! Просто кто-то капризничает, строит из

себя обиженную. Но ничего, скоро настанет ясность. Я это устрою.

Я налил кофе. Чёрная жидкость медленно текла в чашку, будто не хотела туда попадать. Сделал глоток — горько, слишком горько, но я не добавил сахара. Сладость сейчас была бы предательством.

Взгляд зацепился за расчёску на полке — ту самую, что я убрал вчера. Аккуратно, с щелчком ящика. Я выдвинул ящик снова. Расческа лежала там, как улика. Взял её. Зубчики были острыми, холодными. На одном вился светлый волос, тонкий, почти невидимый. Я снял его пальцем, покрутил между ногтем и подушечкой, потом отпустил. Волос упал на стол, лёг, как тень.

— Скоро, — прошептал я, и слово повисло в воздухе, холодное и твердое, как лед. — Скоро ты сама придёшь и скажешь, что была неправа.

Кофе остывал. Часы тикали. Мир за окном жил своей жизнью: машины, люди, чьи-то чужие радости. А здесь, в этой квартире, время будто сгустилось, стало вязким, тяжелым.

Новый день. И этот день будет моим. Я знаю, что сегодня делать. Всё в моем графике уже расписано. И каждый шаг — это ход. А она даже не представляет, насколько далеко я готов зайти, чтобы вернуть то, что считаю своим.

Уборка. Стирка. Приготовил себе поесть.

Двигался на автомате — тряпка по столу, пылесос по по-

лу, кастрюля на конфорку. Руки знали свою работу, а голова была где-то в другом месте. В квартире стояла тишина, которая давила на уши, как ватный тампон. Обычно по выходным Ксения наводила порядок. Шумела, напевала что-то себе под нос, задевала мебель бёдрами. Потом я выбирал фильм, садился, а она гладила меня по голове. Медленно. Кончиками пальцев. Я закрывал глаза и чувствовал её тёплые, нежные руки на своих волосах, её дыхание рядом, на виске. Глаза невольно закрылись — и я увидел её. Как живую. Пальцы на моем виске, на затылке, по линии роста волос. Тёплые. Настоящие. Или почти.

Я открыл глаза. Воздух в квартире был сухой и пустой.

Стоп.

Она не оценила того, что я давал ей возможность быть полезной. Для этого мира. Для меня. Я позволял ей быть рядом — а это подарок, который не каждому выдаётся. А с чего всё началось? Я оторвал тряпку от стола и замер, вспоминая. Она что-то рассказывала. Про кого-то. Про подругу. У которой признали онкологию. Да. Кажется, с этого и начались её вопли.

Я положил тряпку на спинку стула и сел. Стул скрипнул подо мной — единственный звук в квартире, кроме гудения холодильника.

Я сказал правду. Просто сказал её вслух — ту самую, которая существует независимо от того, нравится она кому-то или нет. Как трещина в несущей стене: можно заклеить обо-

ями, можно не смотреть — но она есть.

Ксения стояла у окна, и свет из кухни очерчивал ее профиль. Я смотрел на неё и думал: ещё одна библиотекарша. Вот чем мир потеряет, если её подруга умрёт — на пару секунд, на один тихий выдох, вселенная станет легче еще на одну библиотекаршу. Я произнёс это не вслух. Но, наверное, что-то отразилось в лице — потому что Ксения повернулась, и в её глазах мелькнуло что-то, чего я не успел назвать.

А раньше всё было иначе. Раньше я сидел рядом с ней на том продавленном диване, обнимал за плечи — она всегда сутулилась, когда плакала, — и говорил: всё будет хорошо. С Леной всё будет хорошо. Я рядом. Я всегда буду рядом. Моя блондиночка шмыгала носом в мою футболку, и я чувствовал, как ее пальцы цепляются за ткань на спине, будто боится, что я встану и уйду. И я не уходил. Мне это даже нравилось — быть нужным. Быть единственным, кто может ее удержать.

Потом что-то сдвинулось.

Не сразу. Сначала — мелочи. Лена звонила вечером, и Ксения брала трубку так, будто это не подруга, а что-то живое, горячее, от чего нужно отдернуть руку. Потом — ссоры. Любой пустяк, любая пауза в разговоре — и Ксения возвращалась к одному. К Лене. К тому, как я смотрю. К тому, что сказал. К тому, что не сказал. Каждый раз — один и тот же накат, одна и та же нота, как застрявший звонок будильника, который никто не выключает.

«Ты на неё смотрел». Она сказала это вполголоса, не глядя на меня. Стояла у плиты, и пар от кастрюли поднимался мимо её лица — мимо побелевших скул, мимо губ, сложенных в одну тонкую линию. «Ты на нее похотливо смотрел».

Я молчал. Не потому что нечего было сказать. А потому что слова вдруг показались мне смешными — мелкими, как насекомые на стекле. Какая-то серая мышь — дрожащая, невидимая, с тонкими пальцами, которые всегда теребят то край свитера, то ремешок сумки — подумала, что я её хочу. Вот до чего люди доходят, когда нечем заполнить пустоту внутри: они видят в других то, во что сами отчаянно пытаются верить. Лена смотрела на меня — и видела того, кто её хочет. Ксения смотрела на Лену — и видела ту, кого хотят. Я стоял между ними — и видел двух испуганных женщин, которые делают друг друга больнее, чем я мог бы, даже если бы попытался.

Ксения ушла на кухню. Я слышал, как она моет посуду — громко, звоном, так, чтобы я понял. Я не понял. Я смотрел в стену и слушал, как гудит холодильник. Лампочка под потолком моргнула — один раз — и снова загорелась. Как будто дом тоже что-то хотел сказать, но передумал.

А потом пришла карма.

Не для меня. Не для Ксении. Для Лены.

Диагноз прозвучал тихо, буднично — Ксения сказала мне по телефону, и голос у неё был такой, будто она читает список покупок. Рак. Три буквы, одна точка после них не нужна.

Я положил трубку. Сел. Почувствовал, как подо мной продавился старый диван — тот самый, на котором я когда-то обнимал свою блондиночку и говорил, что всё будет хорошо.

Я сидел и смотрел, как по стене ползет трещина. Тонкая, как волос. Обои скрывали её — но я-то знал, что она там. Она всегда была там.

Я встал, прошёлся по кухне. Плитка холодила босые ступни. За окном серое небо висело низко, как крышка гроба.

А эта истеричная блондинка начала мне предъявлять: откуда во мне столько жестокости. Не я такой. Мир. И мир — жестокая штука. В итоге она сказала, что во мне нет ни капли жалости и сочувствия к её подруге. Будто это обвинение. На всех жалости в этом мире не хватит. В Африке люди без воды — но это не значит, что я должен плакать над каждым недопитым стаканом. Короче — пошла она. Еще настанет день, когда мы поквитаемся.

Я сжал челюсть. Зубы скрипнули.

И вот пальцы сами нашли её контакт. Набирают сообщение. Две секунды — и текст на экране: «Привет, ты рада?»

Отправлено. Галочка. Две галочки. Прочитано.

Появилась онлайн. Я смотрел на зеленую точку возле ее имени — она мерцала, как пульс. Живой. Вот теперь поиграем.

Я отложил телефон на стол. Экраном вверх. Увидел уведомление — первые строки без полного текста. Она ответила. Я улыбнулся. Глубоко вдохнул, наполнил лёгкие про-

хладным воздухом квартиры, и выдохнул медленно, как после тренировки. Чувствовал себя победителем. Вот и брешь твоя, Ксения. Нельзя быть такой снежной королевой, как ты пытаешься показать. Треснула.

Пока не буду читать сообщение. Пусть знает своё место. Что она не в приоритете. А то подумала, что я тут её жду, как пятнадцатилетний мальчишка перед первым свиданием. Пусть подождет ответа. А мне пора гладить рубашку.

И зачем я вообще согласился поехать? Серёгу жалко стало? Нет. Надо наконец увидеть его грымзу-жену. Рассмотреть, изучить, запомнить. Чтобы случайно не напороться на такую же в своей жизни.

Утюг нагревался. Спираль внутри наливалась красным, как глаз зверя в темноте. Мне не хватает робота, который бы гладил мои рубашки. Погладил, прибрал, приготовил еду — и ушёл молча. Без слов. Без истерик. Без требований. Идеально. Я услышал свой смех — он прозвучал в пустой квартире странно, как будто кто-то другой смеялся из угла. Какое прекрасное настроение сегодня. Идеально. Всё под контролем.

Взгляд на телефон. Ну, а теперь пора ответить несчастной девочке.

Я взял смартфон. Разблокировал. Открыл диалог.

Что?

Внутри что-то затряслось. Не снаружи — внутри. Как будто кто-то взял меня за ребра и начал трясти, как погремуш-

ку. Челюсть сжалась сама. Пальцы побелели на экране.

Занесла в черный список? Обнаглела? Ты кем там себя возомнила, кукушка?

Глаза пробежали по ее сообщению. Буквы стояли ровно, спокойно, без единой ошибки. Это бесило больше всего.

«Да, рада, что прозрела и вовремя увидела, какое ты чудовище. Жаль, что потратила на тебя три месяца. Не пиши мне больше, забудь».

Забыть?

Сука! Чертова сука!

Рука сжала телефон так, что корпус тихо хрустнул. Пальцы онемели. Это после того, что между нами было? После всех ночей, после всех её «люблю» шепотом в темноте, после того, как я позволил ей быть рядом? Ты как посмела, дрянь? Думаешь, вот так просто можешь выкинуть меня? Вычеркнуть, как строчку из блокнота?

Нет.

Нет, ты об этом очень сильно пожалеешь.

Тварь.

Я встал. Стул отлетел назад, ударился о стену. Сердце колотилось в горле, в висках, в кончиках пальцев. Воздух в квартире стал густым, тяжелым, как перед грозой. Я сделал шаг к окну — и тут нос уловил.

Запах гари.

Горелая ткань. Сладковатый, едкий, липкий.

Чёрт. Утюг.

Я обернулся. Дым поднимался от гладильной доски тонкой струйкой — бледной, почти невидимой, но с запахом, который забивал ноздри. На рубашке — дыра. Края ткани почернели, скрутились, обнажив белую нитку основы. Дыра была маленькая, но точная, как пуля. В самом центре.

Это она во всем виновата.

Дым пополз по квартире, лёг на стены, повис под потолком серой пеленой. А я стоял и смотрел на дыру. На моей рубашке. Которой, между прочим, десять лет. Я помню, как мы с Валентином купили её на рынке в Иркутске. Палатка, запах дешевого шоколада, брошенные в кучу рубашки. Я выбрал эту. Десять лет она служила мне верно. Десять лет. А теперь — дыра.

Сука! Дрянь! Ты во всём виновата.

Я выключил утюг. Провод был горячим, я дёрнул руку — обожженный палец ныл. Сунул его под холодную воду. Струя ударила по коже — боль полоснула, как по открытой ране, и на секунду стало легче. Потом снова — хуже.

Нужно быстро погладить другую.

Я бросил обугленную рубашку на пол. Она лежала, скомканная, с чёрным зевом в середине — как лицо, застывшее в крике. Я перешагнул через нее и достал из шкафа чистую.

Вечер в квартире Сергея стелился по полу, как холодный сквозняк. Народу немного, но каждый звук — смех, звяканье бокала, скрип стула — отдавался в висках, будто кто-то водил острием ножа по стеклу. Я умел быть невидимкой —

растворяться в углу, сливаться с тенью, пока остальные светились фальшивым теплом.

Жена Сергея — рыженькая бестия — улыбалась, и эта улыбка казалась мне неестественно широкой, будто натянутой на лицо. Она уже второй час тянула один и тот же бокал шампанского, а я для вида держал в пальцах бокал с яблочным соком. В таких же бокалах остальные гости пили виски — янтарная жидкость отливала в свете люстры чем-то маслянистым, почти зловещим.

Рядом брат Сергея с женой — пышная особа, в движениях которой было что-то тяжеловесное, угрожающее. Каждый её жест — поворот головы, поправление шарфа — отзывался во мне раздражением, царапал изнутри.

Я усмехнулся собственным мыслям — и тут же почувствовал, как улыбка сползла с лица, превратившись в оскал. Да, именно оскал. Так, наверное, скалится загнанный в угол зверь.

И тут — шаги. Тяжёлые, нарочито бодрые. Сергей. Только не эти банальные вопросы. Пожалуйста, только не это.

— Кирилл, ты тут как? Смотрю, не общаешься со всеми. Комфортно тебе?

Я кивнул, стараясь удержать на лице маску спокойствия, но пальцы сами собой сжимали край кресла — так, что побелели костяшки.

— Да, я не любитель масштабных вечеринок. А у тебя всё здорово так, по-домашнему. Мне всё нравится.

Моя улыбка, наверное, выглядела как гримаса. И я знал почему: вечер испортила Ксения. Из-за неё я надел эту белую рубашку — и теперь казалось, что ткань липнет к телу, душит. Я провёл ладонью по груди, будто пытаясь разгладить невидимые складки. «Кажется, я её не идеально прогладил», — пронеслось в голове. К чёрту! Всё под контролем.

— Скоро будем садиться за стол, ждем только лучшую подругу моей жены. Они с детства знакомы. А она опаздывает.

«Вот, — подумал я, — из-за этой особы у меня уже полчаса урчит в животе». Я достал смартфон, чтобы проверить время, и Сергей тут же ретировался — будто испугался моего взгляда.

— Ладно, оставлю тебя. Если захочешь покурить, можно сходить на балкон.

— Отличная идея, Серега, — бросил я, хотя курить на голодный желудок не любил. Но сейчас мне хотелось просто вырваться из этой комнаты, где воздух был густым от чужих эмоций.

Я залпом выпил сладкий яблочный сок прямо из тетрапака — жидкость обожгла горло своей приторной сладостью — и поплелся на балкон. Квартирка у Серёги уютная, да. И у меня могло бы быть такое гнёздышко… с моей любовью.

Чертова блондинка не выходила из головы. Её профиль, её смех, её голос — всё это крутилось в сознании, как заезженная пластинка. Я открыл её страницу в соцсети — и тут же наткнулся на черный список.

— Вот сука, — прошептал я, сжимая телефон так, что экран едва не треснул. Смартфон полетел в карман, а её — долой из памяти. «Сама виновата. Сама лишила себя такого безграничного счастья со мной».

Фильтр сигареты нагрелся между пальцами и обжег кожу — я едва заметил боль. Смял его в пепельнице с такой яростью, будто вдавливал в землю ту, которую когда-то любил. Но она оказалась недостойной меня.

Выдохнув последний дым, я открыл скрипучую дверцу балкона и замер.

Смех. Знакомый, режущий слух. Ксения? Это она — подруга жены Сергея? Не веря своим ушам, я должен был поверить и глазам. Скинул гостевые тапочки, не чувствуя холода пола, и вошёл в комнату.

Но это была не она. Это была яркая брюнетка — волосы, как смоль, большие глаза, ресницы, словно черные веера. Она обнимала жену Сергея и будто озаряла комнату светом. Но этот смех… Черт! Как же он был похож на смех Ксении — будто кто-то подделал его, исказил, сделал чуть более резким, чуть более фальшивым.

Взглянув еще раз на брюнетку, я хотел направиться в свой угол, в то самое кресло, где чувствовал себя в безопасности. Но не тут-то было.

— Кирилл, познакомься, это моя подруга детства, — послышался голос рыжеволосой бестии, жены Сергея.

— Рад знакомству, — буркнул я, даже не удостоив взгля-

дом брюнетку, которая уже хотела протянуть мне руку. Я вовремя ушел, отвернулся, будто её жест был мне безразличен.

В моём бокале появилась добавка. Я понюхал — виски. Не сок. Горьковатый, тяжёлый запах ударил в нос. Нет, пить я точно не стану в этой компании. И вообще я не пью…

— Привет, — послышался голос рядом, и я почувствовал её сладкие духи. Аромат буквально ударил в нос, обволакивая, дурманя.

Я осмотрел брюнетку, которая села в кресло напротив и улыбнулась. Я тоже слегка улыбнулся — но это не была приветливая улыбка. Это был знак моей победы. Такие жесты всегда цепляют таких девочек, как она. Любопытство взяло верх. Рыбка заинтересовалась наживкой, но пока не клюнула.

— Мы не успели познакомиться, ты так промчался. Я Маша.

Снова её улыбка — такая открытая, будто она хотела показать мне все свои карты. И так откровенно говорила о том, что заметила. Интересный экземпляр.

— Да, тут в голове крутятся мысли о работе, поэтому… — я остановился и посмотрел в её глаза. Они были пронзительно серыми, а зрачки — расширенными. Нервничает, не иначе. — Я Кирилл.

— Это я уже поняла, — снова её смех, который, казалось, пробивал болью по венам. — Ты друг Сергея?

— Коллега, — поправил я её, и вот она занервничала уже.

Поправляет волосы, с которыми всё и так хорошо.

— Точно, коллега. Что ж, коллега, была рада знакомству.

И всё? Она уходит. Серьёзно? Ты думаешь, ты меня вот этим уходом заинтриговала? Нет, плохо вы, женщины, знаете психологию мужчин. Просто так режим охотника не включается.

— Дорогие гости, прошу всех к столу, — послышался голос рыжеволосой хозяйки квартиры.

Наконец-то. Выполню миссию, ради которой и пришел сюда. Да, компания — не мечта, конечно, но лучше, чем снова проводить выходные на диване, щелкая кнопкой пульта от телевизора. Надо книжку какую-нибудь почитать, что ли…

Тост за лучшую подругу! Я люблю тебя всем сердцем и желаю, чтобы ты была счастливой, любимой своим мужем и всегда улыбалась.

Как банально… И это речь лучшей подруги. Серые глаза мелькнули в мою сторону — а значит, я её чем-то зацепил. Хах, какая ирония: а она меня — нет.

— Юляша, спасибо тебе, дорогая. И я тебя тоже люблю! — ответила жена Сергея.

А я бы дальше рассуждал, как это всё приторно-сладко, до тошноты. Но тут я уловил расхождение.

Брюнетка пять минут назад представилась мне Машей, а сейчас выясняется, что она — Юлия. Очередная ловушка? Чтобы я клюнул? А ты не так проста.

Я наблюдал за ней весь вечер, даже аппетит пропал. Что-

то в ней было такое — вроде бы даже не за что зацепиться, но от неё веяло какой-то энергией. Тёплой, но в то же время колючей, как электрический ток. И чем дольше я смотрел на неё, тем сильнее казалось, что она тоже изучает меня — не глазами, а каким-то внутренним радаром, считывает каждую мою мысль, каждую эмоцию.

И в этот момент мне стало по-настоящему холодно. Не от сквозняка, не от открытой балконной двери — от ощущения, что я здесь не охотник. И не невидимка.

Я здесь — добыча.

Всё под контролем. Я пару раз выхожу курить — нарочно громко, не так, чтобы все гости вздрогнули, а чтобы заметила она. Каждый мой шаг — расчёт. Каждый выдох дыма — сигнал. Но она только провожает меня взглядом, ни разу не вышла пообщаться. Ни слова. Ни намека.

Я что, теряю хватку? Нет. Такого не бывает. Я не тот, кто теряет хватку. Это она играет в недоступность — дешёвый приём, который я раскусил ещё в первые пять минут. Женщины всегда так делают: строят из себя загадку, прячут глаза, будто их молчание — это сила. А на деле — просто не знают, как подойти. Боятся.

И вот я возвращаюсь. На столе — недоеденный магазинный торт, глазурь уже подсохла, стала липкой, как застывшая фальшь. Серёга навеселе, уже не стесняясь лапает свою жену за самые мягкие места. Грубо. Безвкусно. Мне противно смотреть, но я улыбаюсь — ровно настолько, чтобы никто не

заметил, как мне всё это претит. Пора домой.

— Что ж, я была рада всех вас увидеть. Завтра сложный день, поэтому поеду, — брюнетка будто прочитала мои мысли. Или это я так чётко транслировал свое желание уйти, что она просто подхватила?

— Юляш, спасибо тебе, дорогая. Сейчас вызовем тебе такси. Серёжа, вызови Юле такси, — жена Сергея громко чмокает брюнетку в щёку, но её серые глаза направлены на меня. Не на подругу. На меня. И в этом взгляде — не благодарность, не тепло. В нём — ожидание. Она ждёт, что я скажу.

Нет, я её обыграю. Ты не проста, и я не пальцем деланный. У меня в запасе есть ходы, о которых ты даже не догадываешься.

— Я могу подвезти, — произношу уверенно, но хриплый голос заставляет меня откашляться. Мимолетная слабость. Ошибка. Но никто не должен её заметить. Я смотрю прямо, не моргая — так, чтобы она почувствовала вес моего взгляда.

— Кирюха, ты уже уезжаешь? — пьяно спрашивает Серега и подходит ко мне обниматься. Его руки тяжелые, липкие от алкоголя и пота. Взгляды всех гостей на мне. Я натянуто улыбаюсь и похлопываю его по плечу — ровно три раза. Не больше. Не меньше.

— Да, поеду. Завтра с утра тоже куча дел. Было всё очень вкусно, — киваю жене Сергея. Та улыбается в ответ — её

улыбка натянута, как струна перед тем, как лопнуть.

И вот мы выходим из квартиры. Лифт. Она проходит вперёд, чуть покачивая бёдрами — нарочно, чтобы я заметил. Чтобы зацепить. Но я не цепляюсь. Я наблюдаю.

— Вообще, по этикету, мужчина должен войти в лифт первым, — говорю спокойно, почти буднично. Но в тишине коридора мой голос звучит как щелчок хлыста.

— А как же дамы вперёд? — улыбается брюнетка и слегка краснеет. Прикусила губу — дешёвый, но рабочий прием. Стыд. Или притворство. Неважно. Главное — реакция. Она испытывает стыд, потому что я сделал замечание. Потому что я обозначил границы. Потому что здесь правила задаю я.

Хорошо.

— Лифт — это исключение. Мужчина должен пройти первым и убедиться, что тут безопасно. И в случае чего придержать дверь. Хотя они тут автоматические, — добавляю, будто это не важно. Будто я просто делюсь информацией. Но на самом деле — я ставлю её на место. Показываю, кто здесь знает больше. Кто здесь контролирует ситуацию.

Она дергает бровью. Легкая гримаса — и я вижу: мне удалось ее удивить. Не эмоциями. Интеллектом. Редкий момент, когда женщина не знает, что сказать. И это — победа.

— Буду знать, — произносит она, и в ее голосе слышится легкая дрожь. Не от холода. От напряжения. От осознания, что она не контролирует этот разговор.

— А ты просто для приличия решил так сказать, что под-

везешь? — спрашивает, будто пытается вернуть себе инициативу. Будто хочет доказать себе, что всё ещё может играть по своим правилам.

Откуда это в её голове? Но ход мыслей мне нравится. То есть она считает, что малознакомый гость со дня рождения её подруги просто так не может её подвезти. Считает, что у каждого жеста должна быть цена. Что никто ничего не делает просто так.

— Нет, конечно. Доставлю в любую точку города, — отвечаю, и мой голос становится тише. Не от слабости. От уверенности. Когда ты точно знаешь, что тебя послушают, нет нужды кричать.

— А что, если я живу не в городе? — она снова прикусывает губу. Этот жест — как крючок. Он цепляет. Но я не дёргаюсь. Я держу паузу. Считаю секунды. Пусть почувствует, как тянется время. Пусть поймёт, что я не тороплюсь.

— В любую точку области, — отвечаю наконец. И вижу, как в ее глазах мелькает что-то — не страх, нет. Но лёгкое замешательство. Она не ожидала такого ответа. Не ожидала, что я приму этот вызов.

Всё под контролем. Меня этой волной не смоет. Я сам — эта волна.

Я нажал кнопку сигнализации. Моя надёжная подруга отозвалась на парковке — двигатель зарычал, как сытый хищник, почуявший добычу. Закуривая сигарету, я нарочно затянулся глубже, чтобы она видела: пока я не докурю, мы

не сядем в машину. Пусть постоит. Пусть почувствует этот холод. Пусть поймёт, кто здесь задает темп.

— Так где ты живёшь?

— Недалеко, — улыбнулась она и закуталась в кофту. В этом жесте было столько уязвимости, что на секунду мне даже стало… не то чтобы жаль, но любопытно. Она чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к тому, как они звучали в воздухе. Слишком чуткая. Слишком опасная.

Она назвала улицу, и я понял: это по пути ко мне домой. Идеально. Судьба сама подталкивала ее в мои руки.

— Доставлю в целости и сохранности.

— Хорошо бы и поскорее, — она буквально задрожала — то ли от холода, то ли от напряжения. Бросила взгляд на смартфон, но тут же опустила глаза, будто стыдясь этой маленькой слабости — проверять, не написал ли кто.

— Муж ждёт? — спросил я в лоб. Пусть сразу поймёт: я не играю в деликатные игры.

— Нет, если только бывший где-нибудь, — попыталась пошутить. Но в голосе дрогнула фальшивая нотка. Она не умела врать — слишком много чувств, слишком мало брони.

Значит, была замужем. Разведёнка. Интересно, есть ли дети? Но устраивать допрос — не мой стиль. Мне нужно, чтобы она сама всё выкладывала, кусочек за кусочком, как будто ей жизненно важно, чтобы кто-то её услышал. А я просто сидел и смотрел. И это работало.

— Никто не ждёт, — ответила она откровенно. — Просто завтра рано вставать. Работа.

— Поехали тогда.

Я не стал открывать дверцу. Специально. Пусть заметит. Пусть почувствует эту маленькую трещину в привычном мире, где мужчины подают руку, распахивают двери, стараются понравиться. Я не старался. И это цепляло.

Она хлопнула дверью слишком громко — будто хотела доказать себе, что ей всё равно. Но я-то видел: ей не всё равно.

— А тут не работает этикет? — усмехнулась она. — Только в лифте?

— Я никому не открываю двери в машину, — отрезал я. Мы выехали с парковки, и да, её взгляд был на мне. Пусть привыкает. Это мои правила. Иначе никак.

— А ты кем работаешь?

Не выдержала. Снова. Я мысленно поставил галочку: 3:0 в мою пользу. Улыбнулся уголком губ — не тепло, не дружелюбно, а так, чтобы она почувствовала: я знаю что-то, чего не знает она.

— Да так, тружусь то тут, то там.

— Сергей работает в продажах, ты его коллега, значит, ты тоже менеджер по продажам? — и вот она снова улыбнулась, будто сама себя похвалила за дедукцию. Эта её способность замечать детали могла бы быть милой, если бы не раздражала.

— Что ж, ты очень наблюдательна, Маша или Юля, как

там тебя на самом деле.

Брюнетка засмеялась — громко, раскатисто, будто хотела заполнить тишину, чтобы не слышать собственных мыслей. Интересно, слышала ли она когда-нибудь со стороны, как звучит ее смех? Слишком живой. Слишком настоящий.

— Это долгая история, — отмахнулась она.

— Я не тороплюсь, — мой голос прозвучал низко, почти шёпотом. Такие вибрации безотказно действуют на женщин: заставляют сердце биться чуть быстрее, а язык — развязываться. И сработало: она снова потянулась поправить волосы — нервный, почти детский жест.

— В следующий раз.

«В следующий раз» — как будто она сама бросила мне крючок. Или просто отмахнулась? Нет, уж. Ты мне расскажешь эту историю. Я снова замолчал — специально, чтобы тишина стала густой, почти осязаемой. Даже музыку сделал тише. Пусть слышит только свои мысли. Пусть они её съедят.

— Меня в детстве дедушка так называл, — наконец выдохнула она.

4:0. Как же с тобой просто. Как можно так легко отдавать свои секреты, даже не замечая этого? А главное — я даже не прикладывал усилий. Всё шло само, как по сценарию, который я когда-то мысленно набросал.

— Я теряла часто ключи, и он однажды сказал: «Тебя не Юлькой надо было назвать, а Машкой-растеряшкой». Вот так и повелось у меня, — она мягко и неловко улыбнулась.

И тут от неё повеяло таким теплом, что на мгновение мне стало неуютно. Как будто в машине вдруг распахнули окно, и внутрь ворвался чужой, слишком искренний мир. Я видел эти картинки перед глазами: маленькая девочка, растерянно оглядывается, ищет ключи, а рядом — дедушка, смеётся, но в глазах — нежность. Или это не её воспоминания, а мои фантазии? Неважно. Главное — она захотела это рассказать. А значит, я умею располагать к себе людей. Не зря у меня самый высокий КПД в отделе.

— Поэтому я незнакомым людям всегда представляюсь Машей. Это как память о моём дедушке. А вот потом все узнают Юлю.

— А Юля какая? — не выдержал я. Слишком много тепла, слишком много искренности — это начинало царапать.

В ответ — снова звонкий смех. И в этот момент она стала не просто женщиной в моей машине. Она стала… почти живой. Почти настоящей. И от этого становилось не по себе.

— Вот тут поверни, пожалуйста. Дальше там всё перекопано, как всегда — бесконечный ремонт теплосетей.

Мы приехали. Асфальт вскрыт, в яме парит труба, ограждения тянутся вдоль всего дома. Странный район. Надо будет как-нибудь поизучать окрестности.

— Давай хотя бы провожу, — сказал я, и в этом жесте даже проскользнуло что-то похожее на вежливость. Почти джентльмен. Почти.

— Брось, сама дойду, тут пройти дом, — она напряглась.

Я чувствовал это напряжение кожей. Не хотела показывать, где живёт. Боялась. Или просто не хотела пускать меня в свой мир.

Но тут мы играем по моим правилам. Я уже выходил из машины. Она нехотя последовала за мной, и даже в тусклом свете фонаря я видел это недовольное выражение лица. Словно я нарушил какой-то её внутренний протокол безопасности.

— Я же сказала, что дойду сама, — теперь она была не милой брюнеткой, а капризной, упрямой девочкой, которая надула губы, будто я отнял у неё любимую игрушку.

— Пошли, давай, — я улыбнулся, думая, что это её расслабит. Но нет. Она шла рядом, закутавшись в вязаную кофту, будто пыталась спрятаться в ней целиком.

Мы дошли.

— Всё, пришли, — ответила сухо, почти не глядя на меня.

— Как и обещал, доставил.

Давай, жду твоих благодарностей. Ты можешь, несмотря на то, что обиделась и решила поиграть в бунтарку, поблагодарить меня. Однозначно.

— Спасибо, что подвез.

— Не за что.

Я уже уходил. Считал про себя: три, два…

— Кирилл, а номер тебе мой не нужен?

Сработало. Я сдержал улыбку победителя. Медленно достал смартфон. Не спешил. Тут суетиться не нужно. Тут мои

правила.

— Диктуй.

Записав цифры, убрал телефон.

— Только чур по ночам не звонить и в трубку не дышать, — снова попыталась пошутить. Но юмор был слабым, натянутым.

Я не засмеялся. Просто кивнул.

— Спокойной ночи.

Коротко. Без пафоса. Развернулся и пошёл к машине. Услышал, как она тихо сказала: «И тебе доброй ночи». Но моя ночь, похоже, сегодня будет недоброй. Нужно всё обдумать. Нужен план. Чтобы она не допустила таких же ошибок, как Ксения. Теперь всё будет иначе.

У меня есть её номер. Но позвоню я ей не сегодня. И даже не завтра. Может быть, в понедельник. А пока пусть девочка нагуляет аппетит. Сладкое ожидание очень полезно.

А на завтра у меня есть другой план — тот, что касается Ксении. И он куда интереснее.

Глава 3

Долго не мог уснуть. Лежал в темноте, слушал, как тикают часы на кухне. Каждый удар — как точка в пустоте. Считал. Досчитал до четырехсот — и перестал.

Сейчас чищу зубы и понимаю, что тени под глазами еще больше. Наклонился к зеркалу, оттянул кожу под глазом пальцем — тонкая, с сеткой сосудов, как у старика. Как будто я голоден. Надо просто позавтракать — и всё пройдёт. Как всегда: кофе, яичница. Поставил сковороду на конфорку, плеснул масла — оно зашипело, брызнуло, одна капля попала на тыльную сторону ладони. Я не дернулся. Смотрел, как краснеет кожа, как палец набухает. Потом разбил яйцо — желток растекся по тефлону, как зрачок в мёртвом глазу.

Как бы это всё в себя запихнуть. В последнее время совсем нет аппетита. Яичница лежала в тарелке — жёлтая, маслянистая, остывающая. Я проткнул желток вилкой. Он вытек, как сукровица. Стал есть. Каждый глоток приходилось проталкивать — горло сжималось, не пускал. Будто тело знало то, чего голова отказывалась признавать. Запил кофе. Горячо. Обжигая нёбо — но это хорошо. Хоть что-то чувствовать.

Посмотрел на время. Девять сорок три.

И вот небольшой мандраж перед встречей. Не страх — нет. Я не боюсь. Просто лёгкий ток по нервам, как перед

прыжком. Это будет наше с ней лучшее свидание. Сам себе улыбнулся в зеркале — и в этот момент вздрогнул от стука наверху. Резкого, тяжёлого, будто кто-то швырнул что-то о стену. Потом женский голос — тонкий, надломленный, с готовой слезой.

Снова с утра скандалят.

Она у него, конечно, еще та истеричка. Прибил бы давным-давно. На прошлой неделе идёт — катит коляску перед собой, а под глазом виднеется фонарь. Темнеет, наливается, как грозовая туча. Выпросила. Так, естественно, приплетает ему какую-то Свету — ревнует. После беременности у этих баб бывают сдвиги. А перед этим слышно было, что кричала, оскорбляла. Есть такая категория женщин, которые сами выпрашивают. Она провоцировала его — вот и получила.

Я подошёл к окну. Приподнял край шторы — ткань скользнула по пальцам, холодная. Внизу, у подъезда — она. Галина. Стоит с коляской, плечи вздрагивают. Телефон прижата к уху. Звонит маме, сто процентов. А что — сама виновата.

Пётр — мужик хороший. Работящий. Старается для семьи. Жену, правда, в воспитании упустил. Помню, как он приходил ко мне пару раз — помогал ванну установить, розетки починить. Вот тогда я с ним и разговорился. Спокойный, молчаливый, с большими руками, которые знали, за что взяться. У него второй брак. Первая жена изменила ему. Сошёлся со второй — вроде хорошо начинали, а сейчас —

скандал на скандале. Это всё влияние подруг, мам, которые сами одиноки в этой жизни и вот мешают своими советами счастье строить таким, как Галина.

Я ещё посмотрел несколько минут. Она шла, утирая слёзы, ведя перед собой коляску. Коляска подпрыгивала на бордюре — туда-сюда, туда-сюда, как маятник. Чтобы не было таких истерик, нужно сразу свою женщину приучать. Она за мужем. За мужем — значит, за ним. И не сует свой нос, куда её не просят.

Я отпустил штору. Ткань упала, закрывая окно. Стало темнее.

Взглянув на часы, понял, что пора.

Десять двенадцать.

Пора поставить точку в истории с Ксенией. Если не поняла за эти дни ничего — я закончу эти отношения. Сам. По-своему. Я не щенок, об которого можно вытереть ноги и выкинуть на улицу. Я хозяин своей жизни — и решаю, кто в нее входит, а кто из неё вылетает, как пробка из бутылки. С хлопком. С запахом пороха.

Взял ключи со стола. Холодный металл привычно лёг в ладонь. Проверил карманы: телефон, кошелёк, ключи от машины. Всё. Выключил свет на кухне. Квартира погрузилась в полумрак — только полоска света из-за шторы легла на пол, как шрам.

Сегодня вечером ещё заедет Валентин. Друг детства. Машина ему нужна в понедельник — я согласился. Я не люби-

тель давать в пользование свои вещи. Но такие люди, как Валя, проверенные временем, всегда должны быть в моей жизни. У всех людей, которые избирательны к своему окружению, должны быть — такие, как он. Люди должны быть полезными. А он мне полезен и по сей день. Доказал верность и преданность не раз. Нельзя такими раскидываться.

Я открыл входную дверь. Лестничная клетка встретила меня запахом хлорки и чьего-то воскресного обеда. Лифт открылся с протяжным, как больной сустав. Вошёл. Двери сомкнулись. Зеркало — снова. Я смотрел на своё отражение, и оно смотрело на меня. Тёмные провалы под глазами. Челюсть напряжена. Взгляд — прямой, немигающий.

— Пора, — сказал я отражению.

Лифт остановился на первом этаже с коротким толчком — будто кто-то приложил ладонь к груди и толкнул. Двери разъехались. Я вышел в серое утро.

Я на месте. Сижу у окна, где капли уже не просто стекают, а собираются в мутные струйки и сползают вниз, будто слёзы по грязному стеклу. Жду ее в назначенное время. Она должна была получить СМС — я отправил его с другого номера. Даже этим пожертвовал. Всё ради неё. Пальцы до сих пор помнят, как вбивали цифры, как нажимали «отправить», будто это был какой-то ритуал.

Официант идет ко мне уже второй раз. Я киваю, не глядя, и он понимает: кофе. Хотя знаю, она любила это место. Но кофе здесь ужасный — горький, с металлическим при-

вкусом, будто в него подмешали пепел. Делаю глоток и чувствую, как горло сжимается, не принимая эту горечь. Стрелки на часах подходят к назначенному времени, а её всё нет. Неужели эту дрянь я выпил просто так?

За окном был дождик — небольшой, моросящий, противный. Я ненавидел такую погоду. Обычно этот самый дождь настигал меня в те дни, когда в квартире становилось хуже всего. Когда ты стоишь посреди комнаты и пытаешься хоть что-то почувствовать внутри себя, но там просто глухо. Как будто кто-то вынул все провода, и теперь ты — пустой корпус с тусклой лампочкой.

Взгляд на дверь. И вот она. Блондинка. Волосы действительно подстригла. Короткая стрижка обнажила шею, сделала её уязвимой, хрупкой. Но я не вижу в этом хрупкости — вижу вызов.

Ох, Ксения, за этот поступок ты будешь серьёзно наказана.

Я натягиваю улыбку. Наверно, это не к месту. Но сердце стучит чаще, как будто в предвкушении того самого тепла, которое от нее исходило тогда. Ее пальцы в моих волосах, её запах, её дыхание на моей коже. Как она стонала подо мной…

Чёрт! Даже встал. Что ты со мной творишь?

Она садится напротив, не снимает пальто. Значит, играет в капризную девочку. Но нет тепла — только холод. В голубых глазах — лёд. Не тот прозрачный, который хочется раз-

бить, чтобы увидеть, что внутри, а плотный, тяжёлый, как в замёрзшем озере.

— И тебе привет, — отвечаю медленно и выдерживаю паузу. Я не планировал так строить разговор. Вчера вечером перед зеркалом я репетировал речь. Каждую фразу, каждый жест. А она так грубит. Не так я тебя воспитывал, Ксения. Женщина должна быть покладистой и ласковой, когда её мужчина рядом.

— Говори, у меня мало времени, — она торопливо смотрит на смартфон, будто там может быть что-то важнее, чем я. Ау, я тут. Пришёл к тебе сам. Дал шанс всё исправить.

— Мы оба с тобой эмоциональные, мы оба вспыхнули в тот вечер. Накричали друг на друга. Но ты же знаешь, как я переживаю и за тебя, и за твою подругу.

Чего она так на меня смотрит? Чувствую волну ярости, только бы в кафе не закатила скандал.

— Это всё ложь, — её слова вылетают сквозь зубы, как осколки. Вижу, как напряглась ее челюсть, как на шее пульсирует вена — тонкая, натянутая, будто струна. — Я знаю, что ты со мной делал. А сейчас в благородного решил поиграть?

— Кисюш, — произношу я крайне ласково, растягивая звук, будто пытаюсь обвить её этим словом. — Какие могут быть игры? Говорю, как есть.

— Не называй меня так!

Вот это энергия! Мощь, сила. Жаль, только не тёплая. На

меня смотрит сейчас не моя блондиночка Кисюша, а настоящая кобра — глаза узкие, зрачки расширены, тело напряжено, будто готово к броску. Но ничего, у меня есть пара приемов, чтобы тебя приручить.

Я беру её за руку, накрываю своей ладонью. На мгновение чувствую её кожу — тёплую, нежную, почти бархатную. И тут же она отдергивает руку, как от огня.

Ох, не зли меня, Ксения, не заставляй меня играть роль.

— Не тронь меня, — снова этот оскал. Боже, что за создание, как я такое мог любить?

—Тебе кто-то про меня что-то наговорил? Лена твоя?

Бросаю козырную карту. И тут она… плачет. Нет, только не это. Откуда это в вас? Просто какой-то тумблер внутри срабатывает, и они начинают рыдать. Так, надо включить спасателя.

— Кисюша, не плачь, пожалуйста, — пытаюсь вытереть слезу с её щеки, но она отпрядывает, как от удара.

— Лена вчера умерла в больнице.

Вот это поворот. Но даже это можно обернуть. Забота, моя жилетка — всё готово. Я пересаживаюсь на место рядом с ней, пытаюсь обнять. Она вскакивает, стул с резким скрежетом отъезжает назад.

— Я сказала, не смей ко мне прикасаться. Ты ведь рад, что она умерла.

Мда. Взгляды посетителей уже на нас. Пора убирать истеричку со сцены. Не люблю, когда на меня так косо смотрят.

— Кирилл, ты просто чудовище. Я за эти две недели поняла, что ты со мной вытворял. Думала, это я ненормальная. Думала, что сошла с ума. Бессонница, тревога постоянная, истерики вот эти…

Она стучит по столу, и чашка звенит, как колокол. Звук вибрирует в груди, отдаётся в зубах.

— Всё, хватит! — голос мой звучит ровно, но внутри что-то сжимается в тугой узел. — Ты меня пыталась выставить виноватым, но это ты всё перевернула.

— Ты меня пытался от всех оградить — от мамы, от подруги. Я должна была быть только твоей, чтобы ты продолжал сводить меня с ума. Превращая в конченную психичку. Но нет, дело не во мне. Я нормальная, а вот ты! Ты пустой! Ты чудовище, с чёрной дырой внутри. Оставь меня в покое и больше никогда мне не пиши! Урод!

Её силуэт быстро отдаляется, растворяется в сером свете улицы. Я просто не понимаю, что происходит внутри. Ярость? Нет, я спокоен. Боль? Нет, её нет. Только пустота, которая становится шире, как трещина в асфальте. Люди смотрят на меня. Пора оплатить счёт и ретироваться.

— Ненормальная просто, — делаю я вывод вслух, для всех посетителей сразу. Пусть слышат. Пусть знают, кто здесь жертва.

Спектакль ты устроила знатный, Ксения. Теперь я в это кафе ни ногой. Кошелек, купюра на столе — слишком много, пусть оставят сдачу, мне плевать. Быстро, быстро на выход.

Тварь! Гадина! Неблагодарная тварь! — стучит у меня в голове, пока я засовываю букет в урну. Цветы падают, как сломанные крылья. Сигарета обжигает пальцы, но я не чувствую боли. Просто смотрю на хмурое небо и понимаю: такой выходки я не прощу ей, однозначно.

И в голове уже есть план.

Он выстраивается сам собой, как костяшки домино. Сначала — проверить, с кем она сейчас. Кто ее утешает. Потом — дать ей почувствовать, что мир без меня становится холоднее. Пусть поймет, чего лишилась. Пусть почувствует эту пустоту, которую я оставляю после себя.

Дождь усиливается, капли бьют по асфальту, как маленькие молоточки. Я затягиваюсь, чувствую, как дым царапает горло, и улыбаюсь. Улыбка выходит кривой, но мне всё равно. Сегодня я проиграл раунд, но не войну.

Домой? Не хочу.

Прокачусь по городу. Приведу мысли в порядок. Стрелка спидометра поползла вверх — шестьдесят, семьдесят, восемьдесят. Дома стояли ровными рядами, как надгробия. Фонари мелькали с равным интервалом, и каждый бросал полосу света на капот, которая тут же гасла. Неужели кого-то нашла себе уже за эти две недели? Нет. Исключено. Таких, как я, не находят на улице. Не подбирают, как бездомных котят. Неужели она не понимает, что заменит меня кем-то худшим? Меня, во всем обвинила. Хах, смешно. Попыталась выкрутить всё в свою пользу — но нет, я ей сказал своё сло-

во. Пусть знает своё место. Меня ещё никто не обыгрывал.

И вот я уже оказался возле своего подъезда. Серая бетонная коробка, ржавая табличка с номером, тусклый свет в окне второго этажа. Выключил двигатель. Тишина ударила по ушам — после гула мотора она казалась плотной, как вата.

А может, Вале позвонить? Пусть выйдет, покурим. Дождь прошел, и появилось солнце — яркое, злое, бьющее в лобовое стекло. Как будто знак, что правда на моей стороне. Я улыбнулся. Губы треснули — кожа на них была сухая, обветренная. Я провёл языком по нижней. Солёно. Кровь.

— Братан, а ты где?

— Мы с Никой в ТЦ едем, а что ты хотел?

— Так ты же машину хотел взять на завтра.

— Нет, мы всё уже утрясли, спасибо.

— Хорошо, давай.

Рука сжимает телефон. «Мы всё уже утрясли, спасибо». Повторяю в голове. Еще раз. И ещё. Каждое слово — как камешек, который кладут на весы. «Утрясли». «Спасибо». Будто одолжение вернул. Будто я — услуга, которую можно поблагодарить и забыть.

Может, это просто день такой? Хотел покурить, сменить картинку, а то до сих пор стоит перед глазами её рыдающее лицо и оскал. Эти губы, которые шептали мне «люблю» в темноте, теперь выплевывали «урод». Мои руки легли на руль. Пальцы обхватили кожу — медленно, плотно, как горло. Сжали. Скрип. Сильнее. Костяшки побелели, кровь от-

хлынула от пальцев. Скрип стал тоньше, выше — и вдруг я услышал в нём другой звук. Как будто кости. Её кости под моими пальцами. Хрустящие, ломающиеся, как сухие ветки.

— Она идиотка. Она просто пустая идиотка.

Я сам слышу свой шепот — и он меня раздражает. Мой голос, он как будто металл по стеклу. Тонкий, скребущий, бесполезный.

— Нет, она не идиотка. Она мразь!

Глухой удар по рулю — кулаком, всем размахом. Боль прострелила от костяшек до локтя, отозвалась в плече. Челюсть свело, зубы сжались сами, мимика окаменела. Гул в ушах — низкий, ровный, как трансформаторная будка за стеной. Завожу машину. Ключ провернулся со скрежетом, двигатель очнулся, и я дал газу — рывок, толчок в спину, вперёд.

Магазин. Пачка сигарет. Касса. Карта приложил — писк. Очередь стояла молча, все смотрели в спины друг другу. Никто не смотрел на меня.

Машина. Маршрут домой. Темно, тихо. Сука, какая тишина! Музыка, мне нужна музыка. Включаю негромко — джаз, труба, плачущая, как брошенная женщина. Выдохнул. Воздух вышел из лёгких рваным, дрожащим. Сажусь на диван, ставлю покупки на стол. Пачка сигарет… Виски? Чёрт! Я же зарекался. Не пить. Не пить!

Встаю. Иду на балкон, курить. Дверь балкона — алюминиевая, холодная. Толкнул плечом, вышла с лёгким скрипом.

Воздух — сырой, после дождя. Курю. Дым тянется вверх, растворяется в сером небе. Никотин бьет в виски — легкое головокружение, как будто стоишь на краю.

На телефон приходит уведомление. «Оцените покупку в нашем магазине!»

— Да, пошли вы к черту!

Сигарета дрогнула в пальцах. Пепел посыпался вниз — с балкона, четвертый этаж, серые хлопья, кружащиеся в воздухе, как мертвые бабочки.

Сука, я всё для неё делал! Я был идеальным! Снова звон в ушах… «Ты пустой! Ты чудовище! Урод!».

— Заткнись! — сам услышал свой голос — громкий, рваный, чужой. Будто кто-то другой кричал из моего горла. И увидел, что пепел от сигареты уже валяется под ногами, на мокром кафеле балкона. Сигарета догорела. Я сжимал фильтр, не замечая.

Как ты посмела? Как ты такое могла произнести? Как ты могла смыть в унитаз то время, которое я на тебя потратил? Три месяца. Девяносто дней. Каждый — вывернут наизнанку, отдан ей. Нет, это не я. Это мир сломался. Мир сошёл с ума!

Внизу во дворе заявила сигналка. Моя? Нет, соседа. Звук — резкий, пронзительный, как скальпель по стеклу. Волосы на теле встали дыбом, от затылка до поясницы — волна, мурашки, холод. Будто кто-то провёл лезвием по коже, не разрезая, только касаясь.

Нет, надо зайти домой. Меня встречает блюз. Но не музыка меня волнует. Нужно вернуть контроль. Что это меня так штормит? Внутри что-то сдвинулось — как тектоническая плита, которую никто не замечал, а она поползла, и теперь всё дрожит: пол, стены, потолок. Контроль. Контроль. Я всегда контролировал. Всегда. Каждое слово, каждый жест, каждый взгляд, направленный на неё. Я выбирал, что она носит. С кем говорит. Куда идёт. Я выбирал для неё — потому что она не могла выбрать для себя. Потому что без меня она — ничто.

А она назвала меня пустым.

Меня.

Надо выпить. Нет! Нельзя! Контроль!

— Да, заткнись ты уже! — я услышал снова звук сигнализации через приоткрытое окно. Сигналка соседской машины орала и орала, будто кто-то стоял внизу и методично бил ладонью по капоту. Ритмично. Без остановки.

Захлопнул окно — громко, стекло задребезжало в раме, звук эхом отозвался по всей квартире. Гул. Вибрация. Я стоял в полумраке, и единственным светом был экран телефона на столе — голубой, холодный, мертвый.

Хватаю стакан. Бутылка. Виски — два пальца, тёмно-янтарный, как старая кровь. Подношу к губам. Запах — торф, дым, что-то горелое. Выпиваю залпом. Жидкость проходит по пищеводу — огонь, обжигающий, выжигающий. Глаза сузились. Желудок принял. Приятный аромат поднимается

в ноздри, обжигает горло. Чувствую. Я себя чувствую. Впервые за день — что-то, кроме этой сосущей, черной, бездонной пустоты под рёбрами.

Вот оно. Вот оно, то, что мне нужно.

Ты не Кисюша. Ты просто мразь конченная!

Крикнул — и собственный голос ударил от стен, вернулся, умноженный эхом пустой квартиры. Блюз на фоне — труба стонала, как живое существо. Я сделал музыку громче. Ещё громче. Бас задрожал в полу, в стенах, в зубах. Стакан пустой. Поставил на стол — звякнул, как маленький колокол.

Тишина внутри. Наконец-то тишина.

Я сел на диван. Кожа прохладная под спиной. Закрыл глаза. Труба играла. Виски грел желудок. Ксения стояла перед глазами — её лицо, её губы, её слова. «Ты пустой». Я отогнал образ — рукой, будто смахнул паутину с лица. Ещё налил. Палец. Два. Стоп. Достаточно.

Контроль.

Я всегда контролирую.

Даже когда кажется, что нет.

Глава 4

Голова болит. Похмелье. Боже, как же давно я не испытывал это состояние. Будильник — чёртов будильник — визжит где-то за гранью сознания, пронзая череп изнутри, как строительный гвоздь. Звук не просто режет слух — он отдаётся в зубах, заставляет эмаль вибрировать, будто по челюсти провели напильником. Сегодня же на работу. А мне на такси — Валя забрал машину вчера. Чёрт возьми, Валя! Нет. Стоп.

Глаза открываются — один, потом второй. Свет. Дрянь! Шторы вчера не задернул, и теперь солнце, отразившись от окон соседнего дома, бьёт прямо в зрачок, как лазер. Я зажмурился — и увидел за веками красные пятна. Пульсирующие. Живые. Они двигались в такт ударам в висках — будто кто-то ритмично нажимал пальцами на глазные яблоки.

Сползаю с дивана. Пол — холодный, кафельный, шершавый. Не мокрый, нет. Просто ледяной, высасывающий тепло из кожи. Прикосновение плитки к коленям отдаётся колючей волной по всему телу, от поясницы до затылка. Как же хорошо… Нет — не хорошо. Тошнота подкатывает к горлу, давит на корень языка, и я чувствую этот вкус — кислый, металлический, будто во рту побывала медная монета, пролежавшая в земле год. Голова не болит — она раскалывается на части, как перезрелый плод, и каждый осколок пульсиру-

ет отдельно, в собственном ритме, словно в черепе завелись десятки крошечных молоточков.

Пытаюсь сделать глубокий вдох, но воздух кажется густым, тяжелым, пропитанным вчерашним дымом, дешевым парфюмом и запахом несвежей одежды. Этот запах въелся в кожу, в волосы, в поры — он преследует меня даже здесь, в пустой квартире.

Всё. Надо на работу. Точно. Надо. Открыть глаза. Раз. Два. Три.

Твою ж мать!

Вскакиваю. Мир качнулся, стены наклонились, потолок поехал вниз. Я схватился за спинку дивана — пальцы впились в кожу, но не чувствуют ничего. Потому что смотрю на руки.

Что с руками? Что с моими руками?

Кровь.

Нет — не может быть. Руки по локоть в крови. Засохшей, тёмной, почти чёрной. Под ногтями — бурые полумесяцы. Тыльная сторона ладоней — в разводах, будто я вытирал что-то, вымазанное, и оно не стерлось. Запястья — в потеках, которые сползают вниз, к локтям, как ржавчина по металлу.

Так. Так. Так.

Сажусь на диван. Смотрю на руки. Пальцы дрожат — мелко, часто, как у алкоголика на третьей стадии. Пытаюсь вспомнить. Приехал. Позвонил Вале — он отказался от машины, сказал «порешали». Улыбаюсь — это я помню. В ма-

газин поехал. Точно! За сигаретами! И взял бутылку виски. Где она?

Вскакиваю — и мир снова качнулся, будто палуба под ногами. Ищу хоть какое-то напоминание о вчерашнем алко-марафоне. Обхожу квартиру — шаг за шагом, медленно, как следователь. Кухня — чисто. Стол — вытерт. Стул на месте. Гостиная — диван, стол, ковёр — всё на своих местах. Ничего нет. Всё чисто. Всё прибрано.

Кто это прибрал?

Я.

Я?

Хотя — стоп. Ванная. Толкаю дверь — она поддаётся с лёгким чавканьем, будто кто-то недавно стоял мокрыми ногами на пороге. Капли крови на раковине — бурые, почти чёрные, подсохшие по краям. Раковина — в крови. На полу — кровь. Следы — неровные, смазанные, будто кто-то ходил туда-сюда, не замечая, что оставляет след.

В коридоре — кровь. На ламинате — капли, тянущиеся от входной двери к ванной, пунктирная линия, как маршрут на карте. Ручка дверная — в крови. Пальцы, четыре, и большой — смазаны. Кто-то хватался за ручку. Кто-то уходил. Или кто-то приходил.

Что здесь, черт возьми, было?!

Думай. Думай. Думай.

Я стукнул себя по голове — ладонью, невольно. Звук был глухой, пустой, как будто стучал по барабану. Боль отзыва-

лась — но слабая, где-то на периферии. Чёрт! Не надо было пить! Зарекался же. Не пить! Это всё из-за неё.

Я замер у зеркала в прихожей. Зеркало — узкое, треснутое с краю, купленное на барахолке три года назад. В нём — лицо. Моё лицо. Отекшее, серое, с глубокими тенями под глазами, будто кто-то вдавил пальцы в глазницы и оставил ямы. На щеке — отпечаток. Четыре пальца и ладонь. Кровавый. Будто кто-то приложил руку к моему лицу — или я приложил свою, не помня, к чужому.

Ксения…

Нет. Нет. Нет!

Я не мог этого сделать! Срочно — всё вымыть. Убрать. Стереть. Забыть. Смотрю на часы — семь восемнадцать. Если не пить кофе и не есть — успею. Быстро. Тряпка. Ведро. Хлорка.

Зачем я взял хлорку? Не знаю. Она стояла под раковиной — я даже не помнил, когда покупал. Может, давно. Может, вчера. Неважно. Срочно нужно отмыть.

Мою руки. Горячая вода — до предела, до красноты. Кожа сдирается под ногтями — я чищу, чищу, чищу, щеткой, мылом, снова щёткой. Почему трясет? Похмелье! Это всё из-за неё! Накатило из-за её слов — выпил, хотел немного, по итогу, наверно, выпил всю бутылку. А что потом? Поехал к ней? Началась ссора и совершил глупость?

Нет. Не может быть. Такого не может быть.

Но кровь — на руках. В раковине. На полу. На ручке две-

ри.

Снимаю перчатки. Всё готово. Квартира блестит — кафель, ламинат, ручки. Пахнет хлоркой так, что режет глаза, но это лучше, чем запах крови. Выпиваю стакан воды — залпом, большими глотками, вода стекает по подбородку, капает на грудь. Мне за руль. Надо почистить зубы. Щетка двигается механически — вверх, вниз, вверх. Пена розовая. Выплевываю. Смотрю — белая. Просто зубная паста. Просто.

В квартире немилосердно воняет хлоркой — даже глаза режет. Надо проветрить. Открываю окно — врывается осенний воздух, холодный, колючий, с запахом мерзлой земли. Скорее всего, ночью были заморозки — трава во дворе почти вся в инее, белая, как саван. Жму кнопку сигналки на ключах — машина вроде бы на том же месте, что и была. Полегчало. Значит, за руль я не садился. Это и к лучшему.

Телефон звонит — где-то под диваном, глухо, как из могилы. Кто там так рано? Мама. Не до тебя сейчас, говорю вслух, и сбрасываю звонок. Палец скользит по экрану — «отклонено». Тишина.

За рулём. Руки на десяти и два. Спина прямая. Внутри — землетрясение. Не снаружи — внутри. Как будто тектонические плиты сдвинулись и теперь всё дрожит: желудок, ребра, зубы. Надо просто выпить кофе в офисе — и буду как огурчик.

Посмотрев на свои уставшие глаза в зеркало заднего вида, понимаю: огурцом тут и не пахнет. Зеркало показывает то,

что я не хочу видеть — человека с красными, воспаленными белками, с серой кожей, с трещиной на нижней губе. Главное, чтобы не остановили. Я сквозь ароматизатор — ёлочка, висящая на зеркале, уже потерявшая запах — чувствую, что от меня идёт перегар. Кисло-сладкий, тошнотворный, как из помойки.

На светофоре проматываю всё, что помню. Первый бокал виски — обжигает, тепло разливается по грудной клетке. Второй — легче, горло уже не сопротивляется. Третий — мир смягчается, края размываются, как акварель под дождём. И всё. Дальше — темнота. Густая, абсолютная, как будто кто-то выключил свет в единственной комнате, где я жил.

Нет — ходил на балкон курить. Сигарета во рту, дым в лицо, смотрю внизу — огни, фонари, чьи-то окна. Помню — смотрел на окна и думал: в одном из них — она. В одном из них горит свет, и она там, и она думает обо мне. Или не думает. Или — спит. Или — не одна.

Надо в телефоне посмотреть. Достаю — на светофоре, быстро. И точно — звонил. Десять раз. Ксении. Десять исходящих — 22:47, 22:49, 22:51, 22:53, 22:56, 23:01, 23:04, 23:07, 23:09, 23:12. Ни одного принятого. Ни одного.

Посмотрим — была ли в сети. Была вчера, в 23:10. И всё. Больше — ничего. Неужели не проснулась? Десять звонков — и ни одного ответа?

Позвонить? Нет! Всё. С ней всё закончено! Не оценила,

кто ты есть на самом деле. Всё долой с корабля. Захочет вернуться — я подумаю и решу сам. Я сам в этой жизни всё решаю.

Парковка. Лифт. Не смотрю в отражение — зеркальная стена кабины мелькает краем глаза, и я отворачиваюсь. Сегодня много народу в лифте — женщина с пакетом, парень в наушниках, кто-то ещё. Не хочу выглядеть странно — и так от меня за версту перегар. Кирилл, это недопустимо для тебя. Вернуть контроль. Срочно.

— Доброе утро, — милый голосок секретарши. Она сидит за стойкой, улыбается, поправляет волосы. Не хочу на неё смотреть сегодня. Не до неё.

— Доброе, — пробормотал я и быстро пошёл в коридор. Шаги — быстрые, четкие, как у нормального человека. Как у того, кто не проснулся в крови. Кулер. Вода — стакан, два. Жвачка — две подушки, мятные, давят на зубы. Иду за кофе.

Кофемашина гудит, наполняя кружку тёмной жидкостью. Капля за каплей — как таймер, отсчитывающий секунды до взрыва. В воздухе висит тяжелый запах жженых зёрен, горький, едкий, он въедается в ноздри, царапает горло, и я втягиваю его жадно, будто это не аромат, а доказательство, что я ещё жив. Вдыхаю глубже — и внутри что-то щёлкает, как затвор, вставая на место: ярость, до этого приглушенная похмельем, снова наливается силой, густой и горячей, словно расплавленный свинец.

— Ну, с добрым утром, мой самый лучший сотрудник от-

дела!

Только не он. Не утром. Только не с утра. Гипнотизирую кофемашину — быстрее, давай, наполняй, пока он не…

— Ты не в духе сегодня? — рука моего руководителя легла мне на плечо.

Тяжелая, теплая, мягкая. Пальцы сжали ткань рубашки — чуть, незаметно для него, но я почувствовал. Как удавку. Как петлю на шее, затягивающуюся миллиметр за миллиметром.

Хотелось скинуть руку — резко, с разворота. Заломать её за спину. Прижать его к стене, к холодной бетонной стене, и прошептать в самое ухо — тихо, медленно, с удовольствием: «Никогда так не делай. Урод».

Я смотрю на тебя — и каждый раз вижу неудачника. Который пытается производить впечатление умного, успешного мужика. А от тебя сбежала твоя молоденькая любовница — я видел, как ты заходил в туалет и рыдал. Бесхребетное создание, которое вылизывает зад нашему директору, только бы тебе платили твой окладик. Поэтому — никогда. Ко мне. Не прикасайся.

— Я работать, — ответил я.

Голос ровный. Спокойный. Как у хирурга, который держит скальпель и думает не о пациенте, а о том, что будет на обед. Но под этой ровной поверхностью — кипение. Я чувствую, как по венам ползёт жар, как кровь стучит в висках, отбивая ритм: «власть, контроль, подчинение». И в этом ритме есть что-то почти приятное — как первый глоток об-

жигающего кофе, после которого всё внутри просыпается и начинает гореть.

Пошел наслаждаться своим горячим, обжигающим кофе. Первый глоток — и нёбо вспыхивает болью. Боль отрезвляет, возвращает в тело, делает его плотным, тяжёлым, готовым к действию. И эта боль — моя союзница. Она говорит: ты не сломлен. Ты просто ждёшь момента.

Сейчас ещё у секретарши возьму конфетку — и будет идеальное утро. Я держу себя в руках! Это мой день. Как и все предыдущие.

— Кирилл, ты не с той ноги встал? — послышалось вслед от руководителя.

Да, пошёл ты. Произношу про себя — губы шевелятся беззвучно, и рука уже тянется к столу секретарши. Конфета — в блестящем фантике, красном, как капля крови. Беру. Разворачиваю. Сладкий вкус разливается по языку — клубничный, приторный, детский. Слишком сладкий, почти тошнотворный, но я жую нарочно, растягивая удовольствие от контраста: горечь кофе и эта липкая сладость. И в этом контрасте — моё торжество.

Пока они все ходят тут, улыбаются, делают вид, что мир устроен справедливо, я знаю правду: мир — это поле битвы, где выживает тот, кто первым нанесет удар. И я его нанесу. Обязательно.

Я ставлю пустую кружку на стол с лёгким стуком — не громко, но достаточно, чтобы секретарша вздрогнула и под-

няла на меня глаза. В её взгляде — мгновенная тень испуга, и эта тень греет меня изнутри лучше любого виски. Я ловлю её взгляд и удерживаю на секунду дольше, чем нужно. Она первая отводит глаза.

Вот оно. Вот этот крошечный, почти незаметный момент — когда кто-то признает твою силу. И я смакую его, как самый дорогой деликатес.

Возвращаюсь на рабочее место. Экран, пароль, рабочая почта. Пальцы на клавиатуре — ровно, точно, без единой ошибки. Надо работать. Но первая цель на сегодня — выжить. А вторая — чтобы они все, каждый из них, хоть краем сознания почувствовали: рядом с ними не обычный сотрудник. Рядом с ними — человек, который может стать опасным.

И мне это нравится.

А кровь на руках — помню. Раковина, пол, ручка двери. Десять звонков — и тишина. И тьма между третьим бокалом и утром. И чьи-то кровавые отпечатки на моей щеке.

Чьи?

Я не помню.

Может, это лучше.

Пара звонков — голоса клиентов текли сквозь меня, как вода сквозь сито. Я кивал, говорил нужные слова, нажимал кнопки, фиксируя сделки. Машина работала. Тело — тоже. Чувствую себя бодрее. Скоро обед.

Зевнул — челюсть разинулась широко, до хруста в ушах,

и в этот момент краем глаза уловил движение. Коллега. Менеджер. Сидит через проход, монитор её развернут чуть в мою сторону, и я вижу отражение сайта новостей в ее очках. Она не работает. Она читает. А главное — озвучивает. Всё. Каждую новость. Каждый заголовок. Хоть бы раз занялась делом. Корова.

И действительно — похожа на корову. Я улыбнулся. Ест булки каждый день, методично, как жвачное животное. Пиджак на ней уже еле сходится на груди — ткань натянута, пуговицы торчат, как глаза удавленника. Какой размер? Пятьдесят восьмой? Шестидесятый? Хотелось расхохотаться в голос — запрокинуть голову и выдать это животное «ха-ха-ха», которое эхом пронесется от стен кабинета. Но я сдержался. Губы сложились в ровную линию. Взгляд снова на мониторе.

На почте — несколько оплаченных счетов. Цифры ровные, аккуратные, как шеренга солдат. В этом месяце будет хорошая заработная плата. Это не может не радовать. Деньги — единственное, что никогда не предаёт. Не уходит посреди ночи, не оставляет записок на холодильнике, не говорит «ты пустой». Деньги просто есть. Или их нет. Честно.

— Боже мой! — голос моей коллеги-коровы, а точнее вопль, разнесся по кабинету, как сирена. Несколько человек подняли головы. Я не поднял. — Тут недалеко от нашего офиса сегодня сбили женщину с коляской на перекрёстке! Ужас какой!

Спокоен.

Я спокоен.

Тело. Что с телом? Трясутся руки — мелко, часто, как у наркомана в ломке. Внутри — снова землетрясение, знакомое, утреннее, которое только-только отступило, а теперь вернулось, и еще сильнее. Похмелье вроде бы отступило. На руках опять кровь. Чувствую ее — теплую, липкую, стекающую по запястьям к локтям. Запах — медный, сладковатый, тот самый, от которого я отмывался утром хлоркой.

Срочно выйти. Вдруг это кто-то увидит.

Встаю резко — стул отлетает назад, сжимается о стену. Кто-то окликает, но я не слышу. Иду в курилку. Коридор длинный, лампы дневного света гудят над головой, как бесконечный комариный писк. Толкаю дверь курилки — никого. Отлично.

Снова смотрю на руки.

Но ничего. Тонкая серая кожа, под ней — зеленые вены, просвечивающие, как речной рис. Все отлично. Чисто. Сухо. Никакой крови. Только запах хлорки из пор — едва заметный, как привкус лекарства.

Но нет.

Нет, нет, нет.

Руки сжимают руль. Кожа на нём — ледяная, мокрая, скользкая. Еду. Тьма вокруг густая, абсолютная, как будто кто-то накрыл мир чёрным одеялом. Дворники работают на полную мощность — взмах-взмах, взмах-взмах, — но всё

равно ни черта не видно. Дождь льёт как из ведра, капли бьют по лобовому стеклу, как камни, как кулаки. Стук стоит такой, будто кто-то снаружи молотит по крыше машины, требуя, чтобы его впустили.

Нащупываю рукой на пассажирском сиденье — бутылку. Стекло холодное, гладкое, запотевшее. Чувствую его под пальцами — как кожу живого существа. Пью прямо из горла. Напиток обжигает пищевод — водка, чистая, сорокоградусная, с привкусом пшеницы и чего-то химического. Глоток. Ещё глоток. Горло раскрывается, принимает, и тепло растекается по грудной клетке, по рёбрам, по животу.

Поплыло все перед глазами. Фары встречных машин стали длинными, размазанными, как светящиеся черви. Дворники — взмах-взмах. Дорога — кривая линия, которая никак не хочет выпрямляться.

Но ничего бы этого не было, если бы тогда не она. Если бы не собрала вещи — молча, не глядя, быстро, как кошка, которую выпускают из переноски. Если бы не ушла в эту тёмную ночь, захлопнув дверь так, что стены вздрогнули. Записка на холодильнике. Приклеенная магнитом — смешным, в форме рыбки, который я купил на море. «Спасибо, что открыл мне глаза. Не ищи меня. Прощай. Твоя Н.»

Сука!

Кричу — и голос бьется о стекло, возвращается, умноженный. Поплыло ещё больше. Слёзы? Нет. Это дождь, который льёт как из ведра, и дворники не справляются, и дорога то-

нет в воде, и я вместе с ней.

Нужен еще глоток. Не могу нащупать бутылку — рука шарит по сиденью, по мокрой обивке, по чём-то холодному и скользкому. Отвожу в сторону взгляд — нашёл! Хватаю, подношу к губам, глоток — обжигает, и мир снова становится мягким, как воск.

И тут — глухой удар о капот.

Не успеваю затормозить. Тормоз — уже поздно, нога давит педаль, но инерция несёт вперёд. Что-то под колесами — мягкое, податливое, но с твёрдым внутри, как арбуз, который раздавили каблуком. Переехал. Толчок — короткий, глухой, отдается в кресло, в позвоночник, в зубы.

Торможу. Останавливаюсь. Двигатель работает. Дворники — взмах-взмах. Тишина в салоне — только моё дыхание, рваное, частое, и стук сердца, который почему-то не пугает, а раздражает.

Нужно выйти. Нужно посмотреть. А может — уехать. Собаку, возможно, сбил. Да. Собаку. Бродячую. Животное, которое не смотрит по сторонам. Это не моя вина.

Открываю дверь. Меня окатывает холодная волна воды — она бьет по лицу, по груди, пропитывает рубашку за секунду. Но водка внутри греет, обнимает изнутри, как теплые руки. Не замерзну. Выхожу. Ноги скользят по мокрому асфальту. Иду — шаг, ещё шаг, мимо капота, где в свете фар — вмятина, свежая, с царапиной.

Иду дальше. Обхожу машину.

И вижу в свете фонаря.

Женщина. Лежит на асфальте, одна рука откинута, пальцы растопырены, как у утопленника. Рядом — что-то. Что-то маленькое. С ней еще лежит. Кукла? Нет. Не кукла.

Девочка. Лет пяти. Маленькое тело в розовой куртке, с капюшоном, который еще надет, и из-под него — светлые волосы, мокрые, прилипшие к лицу.

Пытаюсь помочь. Руками беру голову девочки — она маленькая, помещается в ладони, как мячик. Лёгкая. Невесомая. Холодная уже. Кровь — много крови, темной, густой, она смешивается с дождем и течет по асфальту ручьём, розовым, разбавленным, как акварель. Капли бьют по моим рукам, по лицу, по волосам. Кровь и вода. Вода и кровь. Всё одно.

Не дышит. Не кричит. Не плачет. Глаза открыты — голубые, прозрачные, как стекло. Смотрят в небо, в дождь, в черные тучи, которые льют и льют. Смотрят — и не видят.

Резко отталкиваю от себя маленькое тельце — руки разжимаются сами, и она падает. Глухо. Мягко. Как мешок с песком.

Слышу стон женщины. Тихий, слабый, как вой собаки. Жива. Значит — видела. Увидит. Узнает потом. Меня найдут!

Бежать. Бежать.

Ноги — в машину. Руки — на руль. Ключ — зажигание. Дворники — взмах-взмах. Газ. Впереди — тьма, и в ней —

дорога, и в ней — жизнь, моя жизнь, которая не должна закончиться здесь, на мокром перекрестке, из-за какой-то женщины и какой-то девочки, которая не смотрела по сторонам. Это не моя вина. Это не моя вина. Это дождь. Это она. Это Н., которая ушла и оставила записку на холодильнике. Это всё из-за неё. Это она заставила меня пить. Она заставила меня сесть за руль. Она. Не я.

— Кирюх, дай сигарету, — голос Серёги возвращает меня в офис. В курилку. В тишину.

Я стою у окна, руки вытянуты вдоль тела, пальцы сжаты в кулаки. Стекло передо мной запотело от дыхания. Серёга стоит рядом, смотрит — не вижу, но чувствую его взгляд, теплый, собачий, преданный.

Протягиваю молча сигарету — не глядя, не поворачиваясь. Фильтр уткнулся ему в ладонь. Рука пуста. Я смотрю на пустую руку. На пальцы. Чистые. Сухие. Никакой крови. Никогда не было. Мне показалось. Похмелье. Тремор. Вегетососудистая дистония. Всё, что угодно, только не это.

Ухожу. Курить больше не хочу. И есть теперь — тоже не хочу. Но надо. Надо пообедать. Потом пара звонков — и скоро домой.

С алкоголем история завершена. Больше ни одна стерва не выведет меня на такие эмоции. Ни одна стерва больше не узнает, какой я внутри. Никто не узнает. Никогда.

Обед. И пора позвонить Юлии, которая наверняка уже ждёт не дождётся, когда же я ей позвоню. Я знаю, как это

работает — кто ждёт, тот уже проиграл. Улыбнувшись, иду в столовую на втором этаже. Лестница — один пролёт, девять ступеней, каждая под ногой четкая, твердая, реальная. Уже предвкушаю горячий супчик, который поможет унять внутреннюю дрожь — ту, которая не прекращается с утра, которая живёт где-то под грудиной, как второе сердце, и стучит в своем ритме, не совпадающем с первым.

Вхожу в столовую. Запах еды — жирный, теплый, тяжелый. Очередь. Люди. Лица. Я беру поднос. Металл блестит под лампой, и в этом блеске на секунду вижу отражение — своё лицо, бледное, с тенями под глазами, с трещиной на губе. Нормальное лицо. Лицо человека, который идет на обед.

Суп наливают в тарелку — белый, густой, с островками жира на поверхности. Пар поднимается, подбирается к лицу, увлажняет кожу. Сажусь за столик в углу. Спиной к стене. Лицом к выходу. Так, чтобы видеть всех, и чтобы никто не мог подойти незаметно. Привычка. Не паранойя. Просто привычка.

Первая ложка — горячая, солёная. Обжигает язык, и я чувствую этот вкус: курица, вермишель, что-то зелёное. Живой вкус. Реальный. Дрожь внутри утихает — на полградуса, на четверть, но всё же.

Телефон в кармане вибрирует — коротко, один раз. Достаю. Сообщение. Не от неё. Не от Ксении. Другое. Неважно. Откладываю телефон на стол экраном вниз.

Ем. Ложка за ложкой. Медленно. Механически. Вкус супа

— единственное, что держит меня в этом моменте, в этой столовой, на этом стуле. Всё остальное — где-то далеко. В тёмной машине. На мокром перекрёстке. В свете фонаря.

Но этого не было.

Не было.

Я ем суп. И я спокоен.

Кое-как дожил до вечера.

Последние два часа в офисе прошли как в лихорадке — экран плыл перед глазами, буквы двоились, чужие голоса гудели за стеной, как рой мух в закрытой банке. Спасала только мышечная память: пальцы на клавиатуре, нужные фразы в нужном порядке, кивки в нужных местах. Тело работало. Голова — нет. Где-то под ребрами, там, где должно быть спокойно, сидело что-то горячее, пульсирующее, живое — и не давало покоя ни на секунду.

Сажусь в машину. Кожа сиденья прохладная — и я вжимаясь в неё спиной, как будто она может удержать меня, не дать рассыпаться. Хочется в душ. С самого обеда хочу в душ — так, будто нужно не просто смыть грязь, а содрать верхний слой кожи, стереть этот день, как ошибку с грифельной доски. Хотел написать Юле, но не сегодня. Глаза закрываются сами, веки наливаются свинцом. Хотя доеду до дома — там решу.

Включаю музыку — громко, на предель. Бас бьет в грудную клетку, в рёбра, в солнечное сплетение. Опускаю окна — осенний воздух врывается в салон, холодный, колючий, с

запахом мокрых листьев и бензина. Надеваю солнечные очки — тёмные, зеркальные, скрывающие глаза от мира. Миру не обязательно знать, что я умираю. Пусть весь остальной мир смотрит на меня — и видит того, кто держит себя в руках. А они — не держат. Неудачники. Все до одного.

Пробка втянула меня на третьем светофоре. Машины стояли рядами, как скот в загоне, и каждая блестела лаком и отражала чужие фары. Ай — какая кукла в соседней машине. Тёмные волосы, загорелая кожа, тонкие запястья на руле. Улыбаюсь — не сильно, слегка приподнимая один уголок рта. Этого достаточно. Вот она уже улыбается мне в тридцать два зуба, и в этой улыбке — всё: приглашение, готовность, покорность. Ох, Ксения. Как ты могла упустить такого мужчину. Не перезвонишь — уведут. Точно уведут. Я открыл её профиль — прямо за рулём, одним пальцем, быстро. Ничего не изменилось. Та же аватарка. Тот же статус. Тишина. Это всё из-за её подружки. Она нас разлучила. Лена — мёртвая, а всё равно стоит между нами, как заговоренная стена. А Ксения, как последняя дура, слушала её. Вот теперь пусть сидит дома одна и рыдает. А я тут — как истинный мужчина, мечта каждой женщины. Даже той загорелой куклы, которая уже накручивает волосы на палец и ждёт моего взгляда. Но нет. Она его не получит. У меня другие планы, крошка. Так бы я тебя прокатил разок сегодня ночью — и ты бы запомнила это на всю жизнь. Но ты не стоишь того. Ни одна из вас не стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.